

КИРИЛЛ ШАТИЛОВ

Война виртуальных миров

Кирилл Шатилов

Война виртуальных миров

«Издательские решения»

Шатилов К.

Война виртуальных миров / К. Шатилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834989-8

Роман-предупреждение, роман-сатира, роман-притча, роман-быль, роман-загадка, скрытый в форму фантастического боевика из недалёкого и весьма прогнозируемого будущего. Возможно ли космическое вторжение? Если да, то как ему противостоять? А если нет? Как бороться с тем, чего на самом деле не существует, кроме как в своём собственном зомбированном мозгу? Где выход? Да и нужен ли он?..

ISBN 978-5-44-834989-8

© Шатилов К.
© Издательские решения

Содержание

Вступление – странности начинаются	6
Часть I	17
Глава 1 – Первые катастрофы	17
Глава 2 – Усадебные чаепития	28
Глава 3 – Москва-Париж-Москва	43
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Война виртуальных миров

Кирилл Шатилов

Животное может быть свирепым или хитрым, но один только человек умеет лгать.

Г. Уэллс, «Остров доктора Моро»

Дизайнер обложки Кирилл Алексеевич Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2018

© Кирилл Алексеевич Шатилов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-4989-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление – странности начинаются

5 мая 2015 года они решили не возвращаться в курортный Плайя-де-лас-Америкас, а заночевать у подножья вулкана Тейде, самой важной горы не только острова Тенерифе, но и всего Канарского архипелага. Тем более что ещё днём из окна автобуса Света обратила внимание на уютный отель, расположенный в глубине безжизненной долины, словно сошедшей с фотографий поверхности Марса.

– На Марс не похоже, – возразила Света на последнюю фразу гида. – Марс красный.

Андрей тогда покосился на полусонных соседей и заметил, что вообще-то Марс, скорее всего, именно такой, потому что перед выкладыванием в общий доступ НАСА вот уже много лет прогоняет фотографии через «Фотошоп».

– Зачем? – удивилась Света, ласково поглаживая жёсткую бородку будущего мужа.

– Вероятно, хотят, чтобы мы считали Марс мёртвой планетой. А на самом деле, если фотографии восстановить, то видно, что там даже небо голубое, а среди скал видна зелень. Как здесь.

Отель углядела тоже Света. Когда они поднимались в переполненной кабинке фуникулёра, и Андрей был занят съёмками процесса, она на всякий случай расспросила гида и уже на обратном пути предложила остаться в долине.

– Мне тут нравится. Ну, пожалуйста, Андрюш, давай сегодня домой не поедem. Посмотри, какая тут необычная природа.

– А извержения не боишься?

– Да иди ты! Не пугай меня. Не будет никакого извержения. Ну, пожалуйста!

И Андрей, конечно, уступил.

Проводив автобус и заручившись уверением гида, что завтра в это же время они уедут с другой группой, они поспешили в отель, никак не подозревая, что там может банально не оказаться свободных мест. Увы, им не повезло. «Парадор-де-Каньядес-дель-Тейде» оказался забит.

– Дурацкий «канадский Парадор», – расстроилась Света. – Название длинное, а ночевать нeгде. Что будем делать?

Андрей попытался договориться с молодым человеком на ресепшн. Тот не стал по примеру итальянцев делать вид, будто не знает английского, и постарался войти в положение юной пары. Поскольку номеров действительно не было, а деньги двух расстроенных русских сами шли в руки, он в итоге предложил им даже два варианта: спать в палатке на улице или в подсобке при кухне. Света вопрошающе указала на диваны в холле, однако испанец с улыбкой помотал головой и пояснил, что это не позволяется, дабы не смущать постояльцев.

– Но постояльцы спят в номерах, – возмутилась Света по-русски, призывая Андрея сделать что-нибудь. – Нас никто даже не увидит.

Остановились на палатке. Вещмешков, разумеется, не было, зато Хавьер, как звали ресепшениста, вынес откуда-то аж два упругих коврика, которые следовало использовать как палаточный пол, и два толстых пледа. Андрей остался доволен, тем более что наутро им был обещан завтрак «шведский стол», а Света оттаяла лишь тогда, когда вечером они сидели за столиком на открытой веранде перед отелем, любовались закатом и попивали кисловатые коктейли с мартини и лаймом.

– Между прочим, я выяснил, что это вовсе не «канадский Парадор», как ты сперва сказала, – улыбнулся Андрей в камеру айфона, которым Света усердно запечатлевала их романтические посиделки. – Парадор – это всего лишь «хостел». А каньядес – «ущелья».

– «Хостел в ущельях» звучит гораздо хуже, чем «канадский Парадор», – отрезала Света и сфотографировала чудесный апельсиновый закат. – Смотри, какой быстрый интернет: уже выложила в Мордокниге¹. Что приписать?

– Напиши, что Света плюс Андрей ровняется любовь.

– Нет, лучше «Да здравствует Тенерифе!».

– Whatever²...

Когда наутро Хавьер вышел забирать палатку, она оказалась пуста. Привычными движениями небогатого испанского студента он повывёргивал колышки, скатал полотно, свернул коврики трубочкой и вернулся внутрь, поскольку уже накапывал столь непривычный для этих мест дождик.

Повстречав днём Мелиссу, сервировавшую в то утро завтрак, он игриво протянул руку, ожидая получить свою половину с причитавшейся суммы, однако Мелисса лишь фыркнула, а на удивлённый вопрос ответила, что никаких русских туристов она не обслуживала.

– Но я точно с ними договорился! – обиделся Хавьер.

– В следующий раз бери предоплату. – И Мелисса удалилась, повиливая бёдрами.

* * *

– Папа, смотри, что я нашла! Это ведь айфон? Настоящий?

Он взял из рук восторженной дочери запылённый прямоугольник в бледно-жёлтом пластовом футляре, протёр пальцем экран и на всякий случай придавил кнопку. Ему показалось, что экран начал светиться, однако сразу же погас.

– Разряжен.

– Но ведь мы сможем его зарядить? Пап, можно он теперь будет моим айфоном?

– Дашуль, – вмешалась жена, отвлекаясь от рассматривания сверкающей капсулы фуникулёра, уплывающей вверх по склону горы, – положи эту гадость на место. – Она посмотрела на соседей по длинной очереди. – У тебя уже есть айфон.

– Это не гадость, и у неё нет места, – со знанием дела ответила Даша, решительно забирая у отца находку. – Он валялся вон там, за бортиком.

Она имела в виду длинный каменный приступок, по одну сторону которого тянулась неспешная очередь туристов, а по другую начинался довольно крутой откос.

– Может быть, он чей-то, – напомнил отец. – Мама права. Нехорошо получится.

– Ты же сам видишь, какой он грязный, – гнула своё уже принявшая решение Даша. – Наверняка всю ночь там провалялся. Если кто и потерял его, то точно не эти товарищи. На нём вон грязь, как капли. Ночью дождь был.

– Фу, – сказала мать.

– Не фукай! Он хороший. Если разрядился, дома зарядим и проверим.

Очередь ожила, пошла быстрее, и оба родителя отвлеклись, а Даша сунула находку в рюкзак и сделала вид, будто ей тоже очень интересно, удастся ли им зайти внутрь фуникулёра с очередной группой.

* * *

– Славик, послушай, ты говорил, что умеешь вскрывать пароли на айфонах. Говорил?

Славик равнодушно покосился на чёлку Даши Александровой и утвердительно хмыкнул. Сейчас ему гораздо больше нравилось слушать объяснение по поводу залегания геологических

¹ Имеется в виду *Facebook*

² Как угодно (англ.)

пластов новой, а главное, молоденькой, географички Ирины Сергеевны. Точнее, смотреть на её ярко накрашенные губы и мечтать.

– Я айфик нашла, а он запаролен. Поможешь?

– Мне что, порваться? – поморщился Славик. – Потерпи до перемены хотя бы.

– Как скажешь, босс...

Собственно, оказать услугу Александровой тоже было не самым последним делом. Семья не бедствует, Дашка чуть не каждые каникулы шляется с родичами по заграницам, айфоны вон «находит», а ты тут сидишь сказочной репой в тухлой Москве, и тебя ни одна мышка даже в убогую Турцию, даже на никому не нужный Кипр с его булыжными пляжами не тянет. Кто ж виноват, что у него руки из нужного места растут, и он может любой нынешний гаджет починить, хотя у самого старенький самсунг за семьсот докризисных рублей да и тот уже пару раз уроненный и клееный?

Слушая Ирину Сергеевну, Славик живо прикинул, сколько можно за вскрытие Дашкиной находки запросить. Не за поцелуй же или за спасибо. Деньги нынче мерило всему. Поцелуй тоже, конечно, хорошо. Но пара сотен до материной полочки определённо не помешают.

– Триста, – сказал он, отрываясь от географических губ и вглядываясь в чёлку.

– Чего триста?

– За триста рублей вскрою.

По тому, как охотно Александра протянула ему невзрачный айфон в бледно-жёлтом футляре, Славик понял, что продешевил. Штуки было бы, пожалуй, многовато, но пятисотку он явно профукал, дуралей.

– Ну, чего ждёшь? – жарко зашептала соседка по парте. – Ломай его!

Славик сделал вид, будто готов швырнуть айфон об пол, увидел неподдельный испуг в зелёных глазах и довольно усмехнулся.

– К этим штуковинам нужен подход особый, – пояснил он, встречаясь с возмущённо-умоляющим взглядом Ирины Сергеевны, и перешёл на заговорческий шепот. – Если поспешишь, можно всё, что там есть, стереть. Стереть?

Даша призадумалась.

До сих пор она хотела лишь обзавестись новой бесплатной игрушкой. Канарский айфон прекрасно заряжался и держал заряд даже лучше её собственного, однако, сколько отец ни бился с цифрами пароля, ничего не получилось. Пришлось ждать возвращения в Москву. И вот брошенная Славкой фраза заставила Дашу осознать, что она стала обладательницей не только стареющего с каждым часом телефона, но и находящейся в нём информации. Мало ли кто и что на него снимал. Судя по футляру, он принадлежал какой-то девице. Наверняка там запечатлены все её дружки и всякое такое...

– Нет, стирать не надо, – сказала Даша.

Вероятно, Славик думал о том же, о чём она, потому что уточнил:

– Давай триста, и завтра я принесу его тебе в лучшем виде.

– Завтра? Ленка говорила, ты ей за три минуты всё сделал.

– У Ленки была четвёрка, а это – пятёрка. Без подключения к компу ничего не выйдет.

И проги нужны соответствующие.

Даша нахмурилась и забрала телефон.

– Ты чего?

– Я передумала.

– Да погоди ты, я пошутил.

– Насчёт компьютера?

– Насчёт стирания. Если правильно подойти, всё сохранится в лучшем виде. – Славик уже позабыл про залегание географических пластов и теперь с интересом присматривался к ямочкам на щеках соседки. – Ты мне что, не доверяешь?

Прозвенел звонок. Седьмой «А» класс потянулся к выходу.

– Доверяю, – выдержав паузу, ответила Даша. – Но только давай, если ты без компьютера не можешь, я к тебе сама с айфиком после уроков зайду. – И пояснила в своё оправдание: – Он мне сегодня вечером в рабочем состоянии нужен.

На самом деле ей уже был важен не столько телефон и даже то, что на нём могло оказаться, сколько возможность непрозрачно намекнуть Ленке, что «а вчера вечером я у твоего Славки дома была», чтобы насладиться краснотой её маленьких ушей и дрожащими от негодования ноздрями. И чего она только в нём нашла? Разве что деланное равнодушие к женской половине класса. Ну так у гениев, говорят, с детства не все дома. Хотя вон, на Ирину эту Сергеевну губастую даже сейчас таращится, не отрываясь. Как это у них там называется? Эдипов комплекс? Отец говорил, что выдумавший его Фрейд был пройдохой, чурался науки с её статистическим подходом и всю свою теорию высосал из пальца...

– Ладно, – сказал Славик уже в дверях. – Давай после пятого ко мне.

* * *

Они сидели за пыльным, заваленным всякой всячиной столом и напряжённо вглядывались в экран идеально чистого монитора.

Войдя полчаса назад в квартиру, а затем и в комнату Славика, Даша поначалу внутренне обмерла. Она не представляла себе, что в Москве можно жить настолько убого. Нет, нельзя сказать, чтобы её встретил беспорядок, грязь и, например, батареи пустых бутылок в прихожей, о чём она читала в книжках разных угрюмых советских писателей. Бутылок не попадалось, грязи на первый взгляд тоже, а беспорядку просто неоткуда было взяться ввиду почти полного отсутствия хоть какой-то обстановки.

– Мы – Спарта, – неловко пошутила Даша.

Славик сделал вид, что не понял, или действительно не понял, и толкнул когда-то обитую кожаном, а теперь хищно порванную во многих местах дверь своей «берлоги».

– Мы не в Японии, – сказал он, заметив, что Даша наклонилась и собирается расшнуровать кеды. – Можешь не разуваться.

Берлога оказалась рассадником ещё и всевозможных запахов. Славик деловито пробрался через стол к подоконнику и распахнул форточку. Повеяло пыльной улицей, однако это было всё же лучше, чем ароматы чего-то недоеденного и нестиранного.

Стоило заработать компьютеру, а Славику – взяться за айфон, всё остальное перестало для обоих существовать. Во всяком случае, Даша поймала себя на мысли, что не отводит восхищенных глаз от цепких и быстрых пальцев своего всегда такого меланхоличного и заторможенного соседа по парте, а тот, казалось, не обращает на её присутствие ни малейшего внимания. Экран в его руках то вспыхивал, то гас, один раз даже мелькнула заставка, до которой отец Даши так и не дошёл: одним словом, было понятно, что рано или поздно техника должна уступить.

– А зачем тебе комп? Ты же его даже не подключил.

– Всему своё время. – Славик манипулировал экраном айфона, не отрывая безымянного пальца от кнопки включения. – Так где ты его нашла? На Канарах?

– Да, а что?

– Похоже, кто-то из наших обронил...

Он снова замолчал, пальцы стали двигаться ещё быстрее.

– Ты хочешь его просто взломать или вернуть бывшему владельцу?

– Что? – не сразу сообразила Даша. – А, нет, взломать... А что, можно узнать, кому он принадлежал?

– Можно. – Славик снял с кнопки палец и телефон снова «умер». – Но тогда мне придётся сделать звонок с этой симки, и его могут запеленговать.

– И что?

– Вероятно, ничего. Но если бывший хозяин или хозяйка его ищет да ещё каким-нибудь образом связан с фээсбэшниками, могут возникнуть неприятности. Тут, кстати, вчера в сети была новость, что какая-то наша парочка туристов вот уже несколько дней как пропала. Тенерифе – это ведь и есть твои Канары?

– Ну да.

– Ну так вот там и пропала. Писали, что последний раз их видели... как его бишь... нет, не помню... вулкан там ещё...

– Тейде?

– Да, похоже, он самый.

Даша рассмеялась, но смех вышел натянутый. Посмотрела на телефон в выжидающих руках Славки.

– Он там и валялся. Но ты знаешь, сколько на фуникулёр народу каждый день выстраивается? Вряд ли какая-нибудь связь есть.

– На фуникулёр?

– Ну да, чтобы на вулкан подняться. Пока мы в очереди стояли, я его и заметила. Лежал в сторонке, в кустах. Грязный был, жалкий. Я решила, что его кто-то сгоряча выкинул.

Славик, похоже, уже принял решение и подключил айфон чёрным проводком к компьютеру. Даша замерла, чувствуя, что с каждой минутой хочет владеть этой штуковиной всё меньше.

– Так, посмотрим, что там. – Славик тыкал курсором в папки директорий, отыскивая нужную программу. – Телефонную книжку пока обойдём... Интернет он тоже вряд ли прихватит. Так...

– Ты его что, не распаролил? – изумилась Даша, продолжая видеть на маленьком экране прежние кружки с цифрами.

– Без надобности, – отрезал он. – Пароли – это для юзеров. Мы пойдём другим путём.

Каким путём пошёл Славка, Даша не поняла, однако в результате некоторых манипуляций и двух-трёх не слишком цензурных выражений посреди большого монитора вспыхнула картинка: знакомое бело поле с желтыми квадратами.

– Есть! – Славка победно сжал кулак. – С тебя триста, мать.

Даша рассмеялась и без малейшего сожаления выложила на стол самую маленькую купюру, какая у неё завалилась – пятисотку:

– На сдачу купи себе новую мышку.

– Хорошие мышки нынче дорого стоят, – хмыкнул он, накрывая одной ладонью своё выдавшее виды пластмассовое убожество, а другой слизывая деньги. – Спасибо.

– Что ты застыл? Давай посмотрим. – Глаза Даши озорно блеснули. – Вдруг там и правда какая-то тайна.

– Только имей в виду, что если я очищу пароль, можем потерять все данные. Не факт, но можем.

– Погоди с паролем. Успеется. Там фотки есть?

Ох, женщины, вздыхал про себя Славка, отыскивая нужную папку, до всего-то им есть дело. Особенно до чужого и личного. Наверняка интернет изобрели не в ЦРУ, а в каком-нибудь женском клубе.

А Даша косилась на него, и думала, правильно ли поступает, что делится с одноклассником тем, от чего хотела получить тайное удовольствие сама. Её утешало лишь то, что другого выхода, похоже, нет: либо залезть внутрь сейчас, либо он вернёт ей айфон пустым как при заводской настройке. Будь что будет...

Обнаруженные в папке DCIM фотографии оказались вполне заурядными. Может быть, не для Славки, но Даша увидела знакомые очертания гор, знакомые цветы, парк с кактусами и детским гольфом. В кадре мелькало то смешно вытянутое лицо девушки, снимавшей себя с рук, то бородатого юноши, гораздо менее довольного вниманием к себе.

– Похоже, она отсылала некоторые к себе на страничку в Фейсбуке, – предположил Славик, открывая в параллельном окошке ещё какие-то данные. – Проверим.

Не дожидаясь ответа, он вывел на экран браузер, скопировал из файла с непонятными значками и ввёл в командную строку длинную ссылку, нажал на поиск, и вот они уже рассматривают страницу со знакомыми фотографиями и подписями к ним. Последняя, она же самая верхняя, представляла собой мутноватый закат и называлась «Да здравствует Тенериффе!» с двумя «ф».

– Эта Света Ива-Нова явно не в курсе, куда ездила, – ткнула пальцем в описку Даша.

– Может, она так эмоции передаёт. Погоди-ка.

Славик перескочил на Гугл, быстро набрал «пропали туристы тенерифе канары светлана иванова», пробежал глазами результаты, кликнул на один из верхних, по диагонали прочитал заметку.

– Нет, видишь, имён не упоминают.

– Дай-ка мне. – Даша перехватила мышку, вернулась на страницу Ива-Новой и нажала на иконку комментариев под закатной фотографией. – Вот, гляди, какая-то Маша, видимо, подруга, что пишет.

Обоим стало слегка не по себе, когда они прочитали буквально следующее:

Народ, Света с Андреем потерялись! Кто знает, где они, пишите срочно сюда или в личку. Родители в шоке. 5 мая их видели последний раз в гостинице Парадор-де-Каньядес. Ночевали в палатке. Утром не пришли к завтраку. На обратном рейсе их не было. Испанцы ищут, но лениво. Помогите, кто что знает!

Они переглянулись. Повисла выжидательная пауза. Никто не спешил высказываться по поводу осознанного. Бледно-жёлтая улика притихла на столе, вероятно, чувствуя, что её больше никто не хочет...

* * *

– Ты ужинал? – спросила мать, заглядывая к нему в комнату.

Славка, как всегда, сидел за компьютером и таращился в экран.

– У тебя кто-то был?

Он недоверчиво посмотрел на неё и пожал плечами. Откуда только она всё знает? Вот бы мне так интуичить...

– Так ужинал или нет?

– Не хочу.

Сегодня она почему-то не стала повторять свою любимую присказку насчёт того, что он уродился в отца и что, похоже, ему тоже не терпится помереть от рака. Вместо этого она вошла в комнату, присела на скрипнувший диван и в тон ему что-то тихо проскулила.

– Чего? – не расслышал Славка.

– Нас сократили...

Мать, сколько он себя помнил, работала в парикмахерской. То в одной, то в другой. Когда-то, судя по семейному альбому, она была даже ничего и раза два чуть не выскочила замуж за очередного клиента, однако так и не сподобилась. На прошлой неделе она радовалась

тому, что их задрипанный подвал должны вот-вот облагородить и превратить в салон, а теперь ни с того, ни с сего «сократили»?!

Он повернулся на стуле, увидел вздрагивающие плечи и только и смог сказать, что:

– Не хнычь.

Она подняла на него некрасиво красные глаза.

– Ты прав. Я сейчас что-нибудь приготовлю, и мы поужинаем. Хорошо?

– На вот.

Он протянул ей пятьсот рублей.

– Что это? Откуда у тебя?

– На остановке нашёл.

Она отпрянула.

– Выброси. Нельзя деньги поднимать. Их часто специально заговаривают, чтобы на тех, кто поднимет, всё зло переходило.

– Мам, я пошутил. Ко мне Дашка из школы приходила. Я ей с одной штуковиной помог, она и оставила. Честно.

Она взяла деньги, смахнула с носа слезу и ушла на кухню, а Славка вернулся к прежнему занятию.

Почему всегда так бывает: когда кому-то плохо, другому обязательно хорошо? И наоборот. Интересно, повезло бы ему так, как сейчас, если бы мать не потеряла работу? Глупость, конечно, но разве не она сама с детства учила его присматриваться к случайностям и подмечать закономерности там, где никто не мог заподозрить руку провиденья, как писал кто-то из классиков? Ещё утром он тащился по майской жаре в опостылевшую школу, а к вечеру стал обладателем ушедших на пропитание пяти сотен рублей, вполне рабочего айфона, от которого испугавшаяся Даша всё-таки отказалась, и ещё кое-чего, чего она испугалась бы гораздо больше, если бы увидела. Но «Даша да не наша» уже час, как убежала в расстроенных чувствах домой, к любящим родителям, даже забыв забрать гонорар за никчёмную теперь услугу, а он проявил врождённую любознательность и откопал в недрах этой штуковины такое, что должно неминуемо поднять рейтинги его канала на Тытрубе³ до вселенских масштабов. На горизонте маячила такая монетизация⁴, что стоимость оставленного телефона, который он на выходных намерен толкнуть на Савёле, покажется сущим пустяком.

Никто из школы не догадывался о том, что Славик с пятого класса живёт в просторах мировой паутины под именем *spaidер*, поскольку желание выражаться по-английски всегда опережало его возможности, а потому когда он решил стать Пауком, то забыл при регистрации заглянуть в словарь и вместо *spider* написал то, что слышал в английских мультиках – *spaidер*. Когда опечатка обнаружилась, было поздно пить боржоми, да и какая разница, кто как пишет. Вот Битлы, говорят, тоже всю жизнь писали слово «жуки» с умышленной ошибкой и ничего, прославились⁵. А он чем хуже?

На своём канале Паук-Славик собирал всевозможные видео-ролики, посвящённые неведомому. У него там и НЛО летали, и привидения из-за дверей подсматривали, и странные чудища из морей-океанов вылавливались индонезийскими рыбаками, и желеобразные гадости по туннелям московской подземки ползали. Одним словом, за два года накопилось столько всякого страшного и мерзкого, что со дня на день должно было произойти чудо, и привлечь к нему на канал миллионную аудиторию, а вместе с ней – рекламодателей с толстыми кошельками, пусть даже электронными.

³ Имеется в виду *Youtube*.

⁴ Получение денег с интернет-ресурсов.

⁵ *The Beatles*, но *beetles* (жуки).

И такое чудо, сама того не зная, принесла ему в виде айфона глупенькая Даша. Явно не фейк⁶ и явно не брак изображения. Настоящий кошмар похлеще кинговского Миста⁷...

Когда она ушла, вероятно, даже слегка обиженная на то, что он не побрезговал оставить телефон пропавшего человека у себя, вместо того, чтобы избавиться от него и тем снять с души камень (как будто это он взял чужое, а не она), Славик на радостях чуть было не снёс всё его содержимое, но спохватился и заглянул в директорию с видео. Раскладка файлов на компьютере была у него в этот момент в виде таблицы, поэтому он сразу обнаружил, что один из роликов значительно больше остальных по размеру. Его-то он и вывел на экран...

* * *

Под ногами движется бурая земля. Кожаные ботинки, на которых видны простроченные узоры, осторожно переступают через камешки. Ботинки, вероятно, женские, поскольку картинка сопровождается голосом девушки за кадром:

– Вот мы идём по Марсу. Говорят, здесь без лишних декораций снимались такие фильмы как «Миллион лет до нашей эры» и даже «Звёздные войны». Смотрите сами.

Камера отрывается от ботинок и земли, и на экран опускается причудливый ландшафт с бурыми, оранжевыми и местами зеленоватыми скалами.

– Не снимай при ходьбе, – говорит мужской голос, и камера рывком останавливается на идущем поодаль бородачом юноше. – Потом смотреть будет невозможно из-за дрыганья.

– А сейчас Андрей расскажет нам, где мы оказались, – вещает девушка.

– Только ты не на меня направляй, а лучше вон на ту фантастическую скалу.

Камера послушно теряет бородачу за кадром и что-то ищет. Наконец, найдя, замирает и начинает медленно приближать действительно странное природное сооружение: камень высотой с пятиэтажный дом, похожий на веретено и стоящий среди холмов на тонкой ножке.

– Пока не ввели евро, эта скала украшала испанскую бумажку в тысячу песет, – пояснил всё тот же мужской голос.

– Андрей запомнил, что нам рассказывала гидша.

– А ещё известно, что он такой формы потому, что верхняя часть его вроде бы из твёрдых вулканических пород и выветривается хуже, чем нижняя. Рано или поздно он грохнется.

Отъезд от старого камня.

Снова наезд.

Девушка, держащая телефон, будто во что-то вглядывается.

Уже сумерки и видно не очень хорошо: камень-веретено стоит частично на фоне склона горы, частично – на фоне розового закатного неба.

– Там что-то движется, – наконец произносит женский голос. – Ты не видишь?

Дёргания картинки почти останавливаются, я теперь рядом с камнем различима высокая фигура.

– Мужик, вроде, какой-то, – соглашается спутник девушки.

Издалека видно, что фигура обычная, только на голове что-то надето, отчего сама голова кажется непропорционально большой. Человек стоит возле самого камня и всматривается в тех, кто его снимает. Длинные руки висят вдоль широкоплечего тела.

– Он там голый что ли? – интересуется голос из-за кадра.

– С чего ты взял? – смеётся девушка, приближает изображение, оно расплывается, а когда снова оказывается в фокусе, отчётливо видно, как головастый незнакомец начинает выходить из-за камня. Он делает шаг одной ногой, потом второй, потом... третьей, четвёртой.

⁶ От английского *fake* – подделка.

⁷ Имеется в виду фильм «Туман» (*Mist*) по С. Кингу.

– Андрей!

Повисает пауза. Оба не знают, что сказать, и камера несколько секунд просто снимает, как странное существо с увеличенной головой, плечами и грудью мужчины, но с нижними конечностями не то лошади, не то кузнечика медленно и отчасти даже величаво отходит от камня, останавливается, разворачивается всем телом в их сторону, поднимает руки и издаёт отвратительный визг.

– Андрей, что это?!

– Светка, я не знаю... Надо дёргать! Давай в отель!

Судя по шороху камней, бородатый юноша первым устремляется в бегство. Что касается его спутницы, то она, похоже, впала в полный ступор, потому что камера, как зачарованная, продолжает смотреть на существо. Которое перестало кричать, вытянуло шею и без разбега, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя лапами, сделало в их сторону резкий прыжок. За первым прыжком последовал второй, потом третий, и вот уже дрожащая камера запечатлевает несущегося прямо на неё не то человека, не то жука, не то кенгуру.

Теперь визжит девушка.

Картинка на экране бешено кружится, на мгновение становится размытой и замирает, уставившись в розовато-серые облака. Телефон упал, но продолжает снимать...

* * *

Славик приник к экрану. Внутренний голос говорил, что такого не может быть, что всё это чей-то розыгрыш. Но перед ним лежал айфон, а на него подобные супер-спецэффекты просто так не снимешь. Запись была настоящая. И очень длинная.

Почти сразу же, когда телефон упал, над ним на фоне неба и облаков пролетела тень преследователя. Славик перемотал ролик назад и успел сделать стоп-кадр, когда тело оказалось точно напротив. Смазанное движением, однако, можно было различить подогнутые в прыжке конечности и широкое брюхо, похоже, покрытое чем-то вроде чешуи.

Славик прислушался. Из наушников доносились удаляющиеся крики. Потом всё стихло. Потом повторился визг. На сей раз в нём звучало не столько раздражение, сколько торжество.

Запись продолжалась.

Облака и небо темнели на глазах.

Славик ждал.

Он мог бы запросто промотать ролик вперёд, но почему-то этого не делал.

Отдалённый топот лошади. Нет, звук полегче, как если бы лошадь бежала рысцей и не на подковах, а на чём-нибудь остром, всякий раз вонзающемся в землю. Такой звук добавляют в фильмы, когда хотят придать реалистичности сцене убийства несчастной жертвы ножом.

Земля пронзается всё ближе и ближе.

Небо закрывает огромная морда.

Глаза явно человеческие, осмысленные, внимательные. Только без бровей и ресниц. Ещё чего-то не хватает. Губ. Рот – узкая прорезь на зеленоватой коже. Нос плоский, с вывороченными ноздрями. Что-то негритянское, но лоб слишком высокий. Существо наклоняется над камерой, вглядывается в застывшего на стуле Славика, потом голова уходит вверх, и камера поднимается за ней следом.

Славик инстинктивно хлопнул по клавише пробела, заморозив картинку.

Существо разглядывало айфон, а айфон бесстрастно разглядывало существо.

Голова почти лысая. Только за тряпочками ушей несколько клочков волос.

Славик снова нажал на пробел.

Камера приблизилась к лицу вплотную. Прорезь рта открылась, и стали видны беззубые дёсна. Существо пробовало телефон на вкус.

Славика передёрнуло, когда он представил, где побывал лежащий перед ним сейчас бледно-жёлтый гаджет. Если бы во рту оказались зубы, какими голливудские фильмы обычно наделяют чудовищ, точнее, клыки, от айфона вряд ли что-нибудь осталось. А так даже царапин почти не видно.

Между тем в ролике снова началась гонка. Вероятно, зажав телефон дёснами, существо помчалось дальше. Причём самым ужасающим в ролике был теперь звук: звук дыхания бегущего человека.

Кончился ролик очередной мельтешней на экране и треском падения. Последующие шесть минут и двадцать секунд картинка оставалась расплывчатой и неподвижной. Скорее всего, айфон упал объективом вниз и снимал землю до тех пор, пока не разрядился.

Славик очнулся и по привычке потёр виски. Ничего подобного ему видеть не приходилось. Словно побывал в компьютерной игре про зомбаков и инопланетян, но только всё происходящее в ней было всамделишным. Потому что придумать и разыграть такое могло лишь большое воображение, тогда как на самом деле видео смотрелось буднично, как какая-нибудь прогулка майским деньком по Красной Площади.

Блин, вот уж точно человек-паук...

Славик заставил себя пробежаться по остальным роликам. Ничего особенного, как на фотографиях: плещущееся море с чёрным песком, беснование светомузыки на какой-то оглушительно фальшивой тусовке, обед на двоих на полосатой скатерти, голые женские ноги под пляжным зонтом – всё то, чем сегодня забиты поедающие людские мозги и время «социальные сети».

Поедающие, поедающие...

Кстати, из видео совершенно непонятно, что случилось с самими ребятами. Это их догнало? Они убежали? То, что они пропали, ещё не говорит о том, что они погибли. Бежали-то они в гостиницу, если верить последней фразе Андрея. А если верить записи друзей, в гостинице их не видели. Тел, надо полагать, тоже поблизости не нашли. Ничего удивительного, почесал подбородок Славик, если бы такая штукавина погналась за мной, я бы, наверное, до сих пор ещё бежал. Блин, блин, блин, что же делать?

Что делать, он на самом деле прекрасно знал. Следовать первому порыву и срочно выкладывать ролик в интернет. Потом пройтись по «вконтактам» и «мордокнигам» и побросать там на него ссылки. Может даже стоит сделать одну комментарием к призыву этой Маши. На такое народ обязательно клюнет и повалит к *spaidery* на канал.

– Сла-ав, иди! Ужин готов, – позвала с кухни мать.

– Ща!

Точно, спешить надо медленно, как сказал кто-то из знающих. Лучше пока ненадолго прерваться и всё как следует обдумать, прежде чем рубить сплеча. Та же Маша наверняка захочет узнать, откуда у него эта запись. Ещё ментов наведёт. Которые перестали быть милиционерами, но так и не стали полицией. Петька вон всё про них знает. Так по его словам они там чего только ни мутят, чтобы из месяца в месяц план свой выполнять. Долго вникать и разбираться не станут: люди пропали, улика у тебя, значит, ты и виноват, братец. А поскольку даже они ему не поверят, что он на Тенерифе собственной персоной побывал, придётся сдавать Дашку. Но этого он точно ни за что делать не будет. Он ей даже ничего не расскажет. Чем меньше народу знает, тем надёжнее его тайна.

– Сла-ав, всё стынет!

– Да иду, иду...

* * *

В понедельник на первом же уроке Славик выложил на парту и подтолкнул в сторону Даши деньги.

– Что это? – не поняла она.

– Четыре с половиной. Твоя доля. За фон. На выходных удалось толкнуть.

Она уверенно отстранила купюры:

– Мы не договаривались.

– Ты нашла, я продал за девять – всё по чесноку.

– Спасибо, нет.

Славик не стал её упрашивать. От лишних денег он ещё не научился отказывался. На самом деле ему после долгих уговоров удалось в итоге выцыганить у Петьки с Савёлы десятку, однако он решил, что вернуть не пятёрку, а именно четыре с половиной будет выглядеть более правдоподобно. Не хочет брать, не надо.

– Они, кстати, нашлись, – буркнула через некоторое время Даша.

– Чего?

– Те, что пропали на Канарах. Света с этим... Андреем. В Мордокниге та же Маша написала вчера вечером.

– Супер, – хмыкнул он. – Она написала? А почему же не они сами?

Даша поколдовала над своим новеньким айфоном и сунула ему под нос знакомую страничку. Приглядевшись к мелкому тексту под картинкой с сердечком, Славик прочитал:

Нашлись, нашлись! Отбой по моей прошлой записи. Ребята живы! Пока непонятно зачем, но всё это время они прятались на какой-то ферме. Долго не ели, истощали, но главное, что живы. Сейчас в больнице при нашем посольстве. Состояние точно неизвестно. Спасибо огромное всем, кто отозвался!

– Поздравляю, – сделал вывод Славик. – Мокрухи на тебе нет.

– Да иди ты...

– Александрова! – донёсся от доски голос архаично строгой Тамары Андреевны. – Я вам с Хлебовым не мешаю?

Они замолчали, встретились взглядами, и Даша улыбнулась. Славке тоже отчего-то стало приятно на душе. Теперь его совесть почти чиста. Собственно, почему почти? Он ничего дурного не делал, ничего чужого не брал, никого до полусмерти не пугал, даже вон деньги хотел вернуть. А то, что ролик под названием «Настоящий человек-паук на Тенерифе» уже крутится в сети и с каждой минутой набирает просмотры и лайки, так интернет для того и нужен, чтобы делиться интересной информацией, разве нет?

Часть I

Глава 1 – Первые катастрофы

Почему сейчас Даше вспомнилась вся эта жутковатая история с пропажей наших туристов на Канарах, она точно не знала. С тех пор прошло уже несколько лет, Даша выросла, незаметно для окружающих превратилась в соблазнительную во всех отношениях студентку с хорошей фигуркой и строптивым нравом, школа осталась в прошлой жизни, круг общения сменился, однако всякий раз, когда по поводу дня рождения или без повода вовсе она получала в подарок новенький телефон, ей начинало казаться, будто в пространстве образуется прореха, через которую видно ту парту, слышно покойную Тамару Андреевну, а Славка Хлебов хитро-хитро отводит глаза...

Самолёт летел в Вену.

Впереди были майские праздники, прогулки по неувядающему Шёнбруну, холодные и горячие яблочные штрудели, полдня криков на аттракционах в Пратере, плавание на корабlike вдоль Дуная и ещё много-много всякого разного, что может предложить увядающая столица одного из последних почти европейских государств Европы.

Даша скучала у иллюминатора.

– Закрой задвижку, – посоветовала сидевшая рядом мама.

– Зачем?

– Поспишь.

– Да не хочу я спать! – взвилась Даша, в очередной раз осознавая, что с некоторого возраста отдых с родителями – не отдых.

– Ну всё, всё, умолкаю, – пошла на попятную мама и повернулась к отцу, вероятно, затем, чтобы сообщить о происходящих с дочерью тревожных переменах.

Даше и самой не слишком нравилось то, какой не в меру взвинченной и раздражительной она внезапно для себя становилась, причём без видимого повода. Ну предложила ей мама не пялиться в планшет, а расслабиться и отдохнуть – что в этом такого? Уж точно не причина для того, чтобы взрываться...

Она отвернулась к окошку.

Рейс был вечерним. Когда они покидали Домодедово, начинались сумерки, и теперь полёт на запад сопровождался красиво розовеющим морем из облаков.

Одно облако показалось Даше каким-то странным. По цвету оно ничем не отличалось от остальных, однако лежало выше этого бесконечного ватного ландшафта и имело слишком правильную круглую форму, напоминая недоделанное на гончарном круге блюдо. Или даже сам гончарный круг.

Даша почувствовала лбом прохладу стекла.

– Маам, – позвала она, не оглядываясь. – Ты это видишь?

– Что именно?

– Посмотри, какое облако!

– Где?

Даша чуть отодвинулась и ткнула пальцем в иллюминатор. Она боялась потерять причудливую картину из вида.

– Где? – повторила мама.

– Да вон же! погоди, сейчас я тебе покажу. – С этими словами Даша машинально перевела планшет в режим съёмки видео и направила крохотный глазок на облака. – Резкость, резкость, где же ты? Вот, смотри.

Теперь они обе видели на экране планшета розовато-белую чашу облака.

– Что это за штука? – вырвалось у мамы, уже толкавшей локтём папу, призывая его в свидетели. – Мне кажется или она крутится?

Даша только сейчас заметила, что мама, как всегда, права: облако явно вращалось вокруг своей оси...

* * *

– Константин Александров, – объявил ведущий конференции.

– Можно свет приглушить? – попросил новый докладчик, поднимаясь из зала в президиум и грустно глядя на блеклый прямоугольник, высвеченный проектором на импровизированном экране и показывающий меню общественного ноутбука.

Кто-то из местных знатоков услужливо сработал тумблером, и конференция погрузилась во мрак. Раздались нервные смешки.

– Так даже лучше, – поспешил заверить присутствующих Константин, чей профиль был единственным, что бледно светилось в темноте, если не считать яркого окошка над головами президиума. По окошку уже бегала стрелка курсора в поисках нужного файла.

Отыскав файл, Константин уверенно кликнул по нему, но как только видео раскрылось, нажал клавишу пробела и заморозил картинку с чем-то неровным и розовым.

– Прежде чем я покажу вам запись, два слова предыстории. Съёмка более чем непрофессиональная, делалась моей родной дочерью на то, что в народе называется «таблеткой», то есть на простенький планшет, однако делалась она в моём присутствии, так что за достоверность материала ручаюсь. – Константин уже поднял руку к шее, чтобы поправить галстук, когда спохватился, вспомнив, что сегодня позволил себе переступить через формальности осточертевшего дресс-кода и прийти в лёгкой рубашке-поло. – Съёмка велась с борта рейса СУ 2354, следовавшего по маршруту Москва-Вена тридцатого апреля сего года.

– В котором часу? – поинтересовались из зала.

– Ориентировочно в 20:30 по Москве. – Константин занёс руку над клавишей. – Сам я непосредственно этого не видел. Я сидел в проходе. Аномалию в облаках заметила дочь и призвала в свидетели жену. Я уже видел то, что сейчас покажу вам, в записи.

Неровности на экране ожили, и стало понятно, что это тучи, озарённые розовым закатом. Константин позволил зрителям свыкнуться с увиденным и снова поставил ролик на паузу. Достал из кармашка на груди лазерную указку и покрутил красной точкой вокруг одного из участков картинки.

– Обратите внимание вот на это завихрение. В отличие от остальных облаков, оно лежит выше общего уровня и, как видите, имеет правильную круглую форму. Хотя по фактуре и цвету ничем от них не отличается. Кроме того, если приглядеться, заметно, что оно вращается.

Картинка снова ожила и стала подёргиваться. Качество записи было весьма средним, и зрители невольно разделились на тех, кто видел даже вращение, и тех, кто не мог разобрать ничего. Последних, к счастью, оказалось меньшинство.

– Теперь смотрите внимательно, – послышался голос Константина, вместе со всеми наблюдавшего за большим экраном.

Облако покрутилось ещё несколько долгих секунд и исчезло. Только окружающая розовая вата пошла вспениваться взъерошенной гривкой.

– Вот замедленный повтор происходящего, – невозмутимо комментировал Константин. – Объект срывается с места и уходит за горизонт.

В самом деле, при почти покадровой прокрутке зрители увидели, как облако ни с того ни с сего резко отскакивает в левый нижний угол экрана, на мгновение замирает и почти по пря-

мой линии, оставляя за собой лишь буруны, удаляется вдоль глади облаков к горизонту – в правый верхний угол.

– Можно включать свет, – распорядился Константин.

– Нет, погодите свет включать, – перекрыл начавшийся гомон сухой голос профессора Скрябина. – Константин Евгеньевич, верните-ка, пожалуйста, изображение к исходной точке, если вас не затруднит. Да, спасибо. Вот теперь хорошо. Итак, уважаемый Константин Евгеньевич, во сколько километров вы оцениваете размер этого вашего облачного объекта?

– Километров? – удивился кто-то из темноты.

– Моя дочь наблюдала этот объект около минуты, прежде чем начать записывать. За это время относительно самолёта, летевшего со средней скоростью 900 км/час, наблюдаемый объект сместился незначительно.

– Я это и предполагал, а потому спрашиваю, – заметил профессор.

– Дальнейший анализ покажет, но я пока оцениваю расстояние до объекта в 12—15 километров. При угловой величине в 20 градусов, я бы предположил, что размер собственно объекта составил порядка 2,5—3 километров.

Наконец, свет было решено включить. Константин исподлобья оглядел аудиторию. Профессор Скрябин что-то сказал своему соседу и стал делать записи в старенькой тетради.

– Простите, Костя, а ваша дочка не могла... хмм... как бы поправильней выразиться... выдать желаемое за действительное?

Вопрос исходил от совершенно лысого военного в генеральском мундире. Вообще военных в зале было по понятным причинам немало, однако «Брюс Уиллис» был такой один. В миру его звали Владимиром Николаевичем Петровым. И он всегда отличался здоровым скептицизмом.

– Могла, конечно, – усмехнулся Константин, прекрасно зная, что спорить не нужно ни с кем и ни при каких обстоятельствах, тем более при столь щекотливых. – Но в таком случае того же самого желала видевшая всё своими глазами моя жена и добрая половина левого борта рейса СУ 2354.

– И что говорили пассажиры? – решила не то поддержать, не то уколоть докладчика Вера Скрябина, профессорская дочь и по совместительству заведующая кафедрой генетики. – Ещё кто-нибудь снимал?

– Вы же знаете, как иногда рьяно бортпроводники соблюдают дурацкое предписание не позволять пассажирам пользоваться приборами во время полёта. – Константин покосился на Веру и оценил её раскрепощённый летний наряд. – Однако, как ни странно, по меньше мере ещё двое русских детей и один австрийский турист также успели заснять то, что вы только что видели. Ребята громко обсуждали, что у них получилось, а австриец был тоже не один и ходил потом по салону, показывая ролик спутникам по тургруппе. В интернете я пока эти видео не вылавливал, но не сегодня-завтра они там могут появиться.

– Ну, три человека – это, конечно, не «добрая половина», как вы изволили выразиться, – усмехнулся Брюс Уиллис.

– Владимир Николаевич, – впервые повысил голос в микрофон ведущий, – ваши сомнения всем понятны, только давайте по существу вопроса. У кого какие соображения относительно показанного? Константин Евгеньевич, вам первое слово.

Константин оглянулся на ведущего и благодарно кивнул. В этой роли сегодня выступал замдиректора по военным разработкам, отставной генерал армии Пичугин, Андрей Дмитриевич. Пичугин был, несмотря на преклонные лета, не только первоклассным инженером и разработчиком ряда ключевых моделей современного оружия, но и непосредственным начальником Константина. Собственно, включение его неоднозначного выступления в рамки закрытой конференции по новым технологиям было пичугинской идеей. Сам он едва ли стал бы будо-

ражать умы коллег в таком масштабе. Но Пичугин, которому он показал ролик дочери чуть ли не в шутку, заинтересовался и велел «выносить из избы».

– По траектории и скорости движения очевидно, что объект при всей своей внешней природной структуре имеет явное искусственное происхождение. На замедленном повторе видно, что структура объекта во время старта, остановки и последующего ускорения не теряет форму и остаётся практически однородной. Как многие из вас, особенно у кого есть взрослые дети, знают, в последнее время в сети стало появляться немало фотографий и видеозаписей облаков необычной, не только причудливой, но и слишком правильной формы. Однако до сих пор никогда ни одно из подобных метеоявлений не демонстрировало чудес пилотажа.

– Китайцы, – громко сказал генерал Петров.

– У вас уже есть гипотеза, Владимир Николаевич? – поинтересовался Пичугин.

– Разумеется. Это китайцы. Как правильно заметил Костя, это их новое метеооружие. Маскируется под облака, панимаш, а потом ка-ак жажнет где-нибудь на Алтае, и прощай пративительственные бомбоубежища!

Подобные выходки Брюсу Уиллису прощались. Широкие круги общественности знали о том, что генерал Петров ещё в чеченскую свару был слегка контужен. Узкие же круги достоверительно помалкивали о том, что между бывшим и нынешним генералами существует гораздо более тесная связь, нежели видно непосвящённым. В отставку-то Пичугин ушёл, но, как слышал Константин, если бы не Петров с его связями в высших эшелонах, та злополучная история могла закончиться для шефа далеко не так мирно и удачно. Сама по себе история эта была тёмная, даже ближнее окружение замдиректора подробностями не располагало, знали лишь, что, как водится, не обошлось без женщины. Говорили даже, что иностранного происхождения.

– А ваше личное мнение, Константин Евгеньевич? – продолжал между тем ведущий.

Докладчик сделал вынужденную паузу. Он вспомнил, сколько времени на самом деле провёл в отпуске, украдкой от семейства просматривая тысячи роликов в интернете, роликов с тэгом НЛО или UFO, на которых всевозможные воздушные объекты висели в небе и демонстрировали восторженным наблюдателям свои причудливые формы, перемигивающиеся бортовые огни, плавное перемещение и многое другое, что заставляло поверить в их невыдуманность. Но Константин не верил. Нет, как материалист и в некотором смысле учёный, он, разумеется, не мог отрицать существование инопланетной и даже иномерной жизни, наличия эфира, которого «последователи» Менделеева и апологеты вредоносной теории, приписываемой Эйнштейну, недрогнувшей рукой вычеркнули из его оригинальной таблицы, возможности полости в Земле и уж тем более пустоты Луны. Однако НЛО в подавляющем большинстве роликов выглядели слишком надуманными, слишком по-земному, чтобы на их основе делать заключение о посещении нас неким космическим разумом. Конечно, были поразительные исключения вроде множества плазмоидов, следовавших по орбите за «шатлом», или светящиеся шары среди бела дня над Лондоном. Разглядывая их, Константин скорее интуитивно, нежели логически понимал, что к возникновению подобных световых явлений не могла быть причастна рука человека. Он был по собственному опыту уверен в том, что когда становишься свидетелем настоящего чуда, внутренний голос подсказывает, что это чудо, а когда нет – голос молчит, а логика посмеивается и предлагает толковые объяснения.

– На мой взгляд, – сказал он, облокотившись на кафедру и следя за реакцией профессора Скрябина, – в данном конкретном случае мы не имеем дело с доступной – будь то китайцам, нам, американцам или израильтянам – технологией. Все показатели – масса, фактура, размер, скорость – свидетельствуют о том, что в земных условиях подобный летательный аппарат не построишь. Поэтому я боюсь, что мне придётся остановиться на версии внеземного происхождения.

Зал ждал этого и отреагировал не так бурно, как предвосхищал Константин.

– А чего вы боитесь? – спросил Пичугин и сам же уточнил: – Нынче не те времена, когда за вольные мысли ведут на костёр. Из того, что мы тут увидели, я бы тоже сделал вывод, что ваша наблюдательная дочка запечатлела НЛО. С кем не бывает. – Он усмехнулся. – Коллеги, у кого ещё есть какие мнения?

За продолжением дискуссии Константин наблюдал уже из зала.

* * *

– Пап, ты слышал? – встретила его на пороге квартиры Даша, взволнованная и хорошенькая, как никогда.

Он подумал, что она сейчас поведает ему о своём очередном увлечении, которое случилось с ней почти каждую неделю, а по весне – так через день.

– И кто же он на сей раз? Англичанин?

– Ты о чём?! – Даша посмотрела на виновато улыбающегося отца и поняла, что он ещё не знает. – Мачу-Пикчу раздолбали! Сообщают, что там упала тарелка и разом снесла всю гору.

– Мачу-Пикчу? Тарелка? – Константин махнул из прихожей жене, которая шумела посудой на кухне. – А к экзамену завтрашнему ты подготовилась?

– Кстати, экзамен не завтра, а сегодня. Уже был, – обиделась на двойное невнимание отца Даша.

– И как? – Он сунул в шкаф неизменный рюкзачок и обнял дочь. – Справилась?

– Ты чего, не понял, что я сказала? Сейчас весь интернет будет это обсуждать. Настоящая тарелка! Час назад шарахнулась. В новостях передали.

– Ну, раз в новостях передали, значит, подстава. Вроде страшных эпидемий СПИДа, Эболы и прочего дерьма, которые, как выясняется, если вообще существуют, то усилиями совершенно конкретных людей. Если их можно так назвать... Оля, я жутко проголодался.

– Ты же собирався после заседания навестить Пичугина, – заметила жена, судя по голосу явно не застигнутая врасплох.

– Не сложилось. – Константин зашёл к себе в кабинет, которым после ремонта стала часть некогда слишком большой спальни, и машинально включил компьютер. Даша заговорчески следовала за отцом, чувствуя, что он лишь внешне не выказывает признаков интереса к услышанному, а на самом деле уже весь там, в Перу. – Ну так как сдала?

– Хорошо.

– Почему не отлично? – Константин, не стесняясь дочери, стянул джинсы и надоевшую за день рубашку и облачился в синий японский халат. В некитайском происхождении последнего он был уверен, потому что сам купил и привёз его из Киото, одной из древних столиц Японии.

– Потому что на «отлично» нужно повторять все эти глупости, которым нас учат, а я, как ты знаешь, привыкла сама думать. – Даша пристроилась за спиной отца, севшего к большому и уже призывно светящемуся монитору. – А наш ролик как твои старпёры восприняли?

Он не делился с ней своими планами. Вероятно, Ольга проболталась.

– Ничего. Решили международный скандал не поднимать. Будут высчитывать бортовую скорость объекта. Так что главного добиться удалось – нам поверили.

– Как можно не поверить, когда такое происходит... – Даша ткнула пальчиком в экран.

Пока они говорили, Константин прогуглил Мачу-Пикчу и сразу же наткнулся на несколько роликов, датированных сегодняшним числом. Каждый уже имел по несколько десятком тысяч просмотров. Один занимал не более десяти секунд, снятых телефоном, причём довольно плохеньким. Узнаваемые бурые очертания сложенных на зелёном склоне горы домиков без крыш внезапно взрываются грязным облаком песка и пыли под истошные вопли туристов.

Другой ролик показывал происходящее более обстоятельно. Снимался на хорошую камеру с приятным глазу разрешением. Снимающий на испанском с шутками-прибаутками комментировал спуск с горы, находившейся уровнем выше Мачу-Пикчу, показывая то собственные ноги, то открывающийся внизу и чуть вдали роскошный вид на покинутый город. Потом был громкий звук, заставивший оператора вскинуть камеру и успеть заснять мелькнувший над головами попутчиков вытянутый предмет, похожий на снаряд. Но не снаряд. Потому что предмет сначала как будто притормозил, описал высоко над Мачу-Пикчу дугу и только тогда с ускорением врезался в землю прямо посреди построек и бродивших между ними людей. И снова столбы песка и пыли, душераздирающие крики, прыжки картинки. Надо отдать должное снимавшему: он не выронил камеру и не побежал следом за остальными, а в какой-то момент остановился и сделал наезд на взрыв. Когда бурые клубы слегка рассеялись, стала видна торчащая из земли хвостовая часть снаряда...

– Похоже на рекламу нового буржуйского фильма, – сказал Константин, оглядываясь на дочь. – Чтобы привлечь внимание, а потом посмеяться над доверчивыми потребителями этой жвачки. Но в раскрутку ребята, похоже, серьёзно вложились.

– Ты думаешь, это розыгрыш? – искренне возмутилась Даша. – Пап, там люди погибли!

Он хотел отшутиться, но тут Ольга специально сделала радио на кухне погромче, и они услышали:

– Президент выражает соболезнования семьям российских туристов, ставших жертвой чудовищного теракта в Перу...

– Какого теракта! – взвилась Даша. – Это была тарелка!

Константин чувствовал, что что-то происходит, что-то непонятное и, наверное, страшное, однако решил вида не подавать.

– После Австрии тебе всюду тарелки мерещатся. – Он попытался потрепать дочь по волосам, но та зло оттолкнула его руку и отвернулась. – Оль, ну что, можно ужинать идти?

– Давно готово.

Кухня была частью жизни Ольги Александровны. Закончившая в своё время МГИМО с красным дипломом, она так ни дня и не работала по специальности. Сначала дочка не позволяла оторваться от быта, а потом Константин настолько хорошо устроился в институте при Минобороны, что нужда вставать каждое утро в семь и куда-то бежать за получкой у Ольги отпала. Как истинный Телец она приняла эту перспективу без радости и сожаления, с утра до ночи находила себе кучу полезных занятий, а время от времени занималась с учениками, натаскивая их в английском и французском. Готовила она недурно, вкусы домашних знала прекрасно, так что приход мужа врасплох её действительно не застал. Крутясь на кухне, она имела обыкновение включать «говорильню», как величал Константин радио, и была в курсе всего того, о чём власти хотели, чтобы сограждане знали. Благодаря этому Ольга почти не притрагивалась к интернету, а если и притрагивалась, то лишь затем, чтобы поделиться с подругами на Фейсбуке рецептами очередных «вкусняшек».

– Выключить? – спросила она, когда муж сел за стол и придвинул блюдо с изыском, называвшимся картофельной лазаньей.

– Пусть говорят. Даже интересно.

– ... район, когда-то считавшийся самым лакомым пунктом любого туристического маршрута, стёрт с лица земли и оцеплен полицией...

– Какой идиот писал этот текст? – закатил глаза Константин. – «Лакомый пункт маршрута»... надо ж такое придумать!

– ... власти Перу пока не делают скоропалительных выводов относительно причины катастрофы, однако США уже высказались в поддержку гипотезы о теракте...

– Вряд ли это реклама фильма, – вздохнула Ольга.

Константин посмотрел на неё и увидел, что она стоит у плиты и чуть не плачет.

– Ты чего?

– Не успели... Мы с тобой так и не собрались в Мачу-Пикчу. Помнишь, ещё под новый год говорили? – Она заметила входящую на кухню дочь и отвернулась. – Теперь и ехать-то куда-нибудь страшно.

– Именно страха эти твари и добиваются, – нахмурился Константин. – Чего, Дашуль?

– Сейчас на Яндексe написали... Лувр грохнули... – чуть слышно выдавила та и осталась стоять в дверях, глядя широко распахнутыми глазами на отца. – Это война?

* * *

Жизнь устроена так, что судьбы людей переплетаются самым причудливым образом.

Ну могла ли Даша, пролистывая в своей московской квартире фотографии дымящихся руин Лувра, знать, что в это же самое время в каких-нибудь сотнях метрах от происходящего, в парке Тюильри, сидит на зелёном железном стуле её бывший однокашник Славка Хлебов и как замороженный смотрит сквозь листву вековых каштанов на застилающие небо чёрные клубы дыма, почти не слыша крики людей и пронзительный вой сирен?

Всего полчаса назад он бочком обходил толпу перед «Джокондой» Да Винчи и без сил выбирался на воздух послеобеденного Парижа. И вот уже нет ни толпы, ни Джоконды, ни Лувра, а воздух переполнен тошнотворной гарью.

Что же произошло? Что он помнит до того момента, как был отброшен жаром взрывной волны в густые кусты, отделавшись несколькими царапинами и временной потерей слуха, который только сейчас стал постепенно возвращаться? Был звук. Высоко в воздухе. Он, кажется, даже успел подумать, что падает бомба, однако звук усиливался не сверху, а откуда-то сбоку. Значит, ракета? Откуда? Кто мог это сделать?

Славке вспомнились документальные фильмы-расследования знаменитого взрыва башен-близнецов в Нью-Йорке в день, который все американцы с тех пор называют не иначе как «911» – 11-е сентября. Фильмы эти чётко и неоспоримо доказывали не только то, что взрывы были делом рук самого американского правительства, но и что это были именно взрывы, то есть подрывы зданий, а вовсе не последствия попадания в них каких-то самолётов. Собственно, детальный анализ официальных видеозаписей и независимые интервью с непосредственными очевидцами показывал, что никаких самолётов никто с улиц города не видел, а видели их лишь зрители у экранов телевизоров, на которые транслировался не слишком добротно сделанный монтаж.

Но тогда от согласия простых американцев участвовать в незамедлительно последовавших за падением башен заокеанских войнах зависели слишком большие деньги их «правительства». А чем мог помешать Лувр чернявому коротышке, нынешнему французскому президенту с непроизносимой фамилией? Чтобы просто в угоду арабам расправиться с лучшими образцами европейской культуры? Ну так бедным арабам от этого лучше едва ли станет, тем более что по залам галереи их сегодня бродило немало, целые семьи с седыми стариками и непоседливыми громкоголосыми детьми. Их-то за что?

Мимо пробежали двое полицейских. Один махнул Славке рукой и что-то крикнул, вероятно, прогоняя подобру-поздорову, однако, не заметив реакции, бросился дальше, уже не оглядываясь.

Две девушки, рыдая, выволокли через кусты изуродованное тело парня, опустили на траву и в отчаянии сели рядом, отрешенно покачиваясь.

Ошалевший пудель с оборванным поводком кружил между стульями и хрипло лаял.

Славка переживал странное чувство. Когда ты в чужой стране, и вокруг тебя происходят из ряда вон выходящие события, ты ощущаешь себя совершенно сторонним наблюдателем, которого происходящее никак не может затронуть. Инстинкт самосохранения предательски

притупляется. Тебе кажется, будто здесь твоё тело, но сам ты не в нём, а где-то далеко, как во сне, только наоборот.

Единственной реальностью, выводившей из транса, был запах гари. Запах усиливался.

В гостиницу, подумал Славка и машинально поднялся. Там хоть что-то можно узнать по телевизору.

Чтобы не сбиться с пути и не тратить время на ориентирование по карте, он поспешил в направлении Сакре-Кёра маршрутом, пройденным ещё утром: по Риволи до поворота на рю Кастильон, через Вандомскую площадь, потом налево до Оперы, мимо неё направо до пересечения с бульваром Хауссманна, оттуда строго вверх, через рю Лафайет, к собору Нотр-Дам-де-Лорет, слева в обход собора, по улице Мучеников до второго поворота налево. Он даже не помнил толком, как называется гостиница, полагаясь на зрительную память.

В маленьком лобби чернокожий клерк за стойкой таращился на потолок, под которым вещал о последних ужасах маленький плоский экран.

– Труа сан труа, – скороговоркой попросил Славка.

Не открываясь от телевизора, негритёнок нащупал ключ от триста третьего номера и громко поставил тяжёлый деревянный брелок на пыльную стойку.

Славке показалось, что он слышит слетающие с толстых дрожащих губ слова:

– Ля гер, ля гер⁸...

* * *

– Это война? – повторила Даша, умоляюще глядя на отца.

Константин заметил, что слишком тщательно пережёвывает лазанью.

Пауза затягивалась.

– Как Сталин, – неожиданно зло вырвалось у Ольги. Она вышла из кухни и увлекла за собой дочь.

Константин сжал кулаки.

Что это он, в самом деле? Откуда этот ступор? Война по всему свету продолжается уже давным-давно. Вернее, не прекращается. С первой мировой. Поголовье гибнет. Пастухи богатеют и самоутверждаются. Бараны запугивают друг друга. И вся эта круговерть то затухает, то вспыхивает с новой силой. То приближается к ЭрЭфии, то ненадолго отступает. Но Париж? Причём здесь Париж?

Где-то за окном гулко бабахнуло.

– Папа! – крикнула из соседней комнаты Даша.

Он вскочил и, не выпуская из руки вилку, поспешил на зов самого дорогого существа.

* * *

Славка лежал на кровати в убогом, но уютном номере посреди Парижа и таращился в телевизор, чего не делал со времён начальной школы. Интернет в гостинице был, да только какой-то странный, отчего привезённый из дома планшет отказывался к нему подключаться. Бежать за бесплатным вай-фаем в соседнее кафе через улицу не хотелось...

Французские телевизионщики уже битых четверть часа смаковали руины Лувра. Как ни странно, похоже, «Джоконда», находящаяся в крыле Денон, не пострадала. Погибли голландцы, немцы и французы XVII – XIX веков: крыло Ришелье превратилось в дымящийся котлован. Равно как и отвратительный комплекс стеклянных пирамид, которым нынешние масоны отметили подземный вход в музей.

⁸ Война, война...

Жертв было много. Смысла картавых комментариев Славка не понимал, но внизу экрана непрестанно скользила бегущая строка, и в ней цифра замерла на отметке 2 350. Откуда такая точность, трудно было сказать, но информационным службам виднее.

Интересно, как одинаково критические ситуации воздействуют на совершенно разных людей. Славка лежал, смотрел в экран и отличался от далёкого Дашиного отца лишь тем, что его никто не отвлекал и не звал. Прошло никак не меньше двадцати минут, прежде чем он сообразил, что на французах свет клином не сошёлся и что можно посмотреть на те же события глазами других европейцев. Российских каналов в гостинице не было, зато были многочисленные немцы и англичане. Большинство по-прежнему транслировали какие-то фильмы и мультики. Американцы ещё только просыпались под рассказы о новых обещаниях президента решить вопрос с беспорядками в Детройте. Арабы в повязках выразительно курлыкали вообще непонятно о чём.

Пульт в руке Славки замер, когда на экране появилась картинка «Евроныюс». Как часто у них водится, без комментариев.

Парижский дым сменился тоже дымом, но теперь уже где-то в горах. И не где-то, а на месте Мачу-Пикчу, если судить по субтитрам, поскольку узнаваемый по многочисленным фотографиям склон с неизвестно когда простроенным городком превратился в груды камней, из которых причудливо торчал сверкающий хвост огромного снаряда.

Не успел Славка привыкнуть к мысли, что происходит нечто гораздо более серьёзное, чем он поначалу думал, как без лишних слов вместо Перу на экране разлилась панорама водной глади, в центре которой горела белая раковина, точнее, то, что осталось от Сиднейской оперы.

Перу, Франция, Австралия... Где ещё?!

Телевизор работал с устрашающей чёткостью и хладнокровием.

Сиднейский дым стал дымом над какой-то ареной. Снимали с вертолёт. В нижнем левом углу появилась подпись «Рим». Рим? Неужели... о, шит, это же Колизей! Не очень древний, если верить последним изысканиям, но тоже символ. Символ, символ... Блин, да они же именно по символам разных стран и фигачат! С Лувром только ошиблись. Надо было Эйфелеву башню снести вместо него...

Италия...

Логика непонятно кого и непонятно зачем выстраивалась чёткая. На глазах человечества рушились его культурные символы. Рушились в прямом эфире, напоминая так много похожих друг на друга фильмов-катастроф последних лет. Мозаика рассеянных по миру дымов постепенно складывалась в плавящемся мозгу Славки в общую картину. Вероятно, поэтому он почти не удивился, когда снова Париж и снова Сидней сменила столь знакомая кремлёвская стена...

* * *

Одновременно звонили все три мобильных телефона. О них забыли. И только когда к неуместным сейчас мелодиям присоединилась допотопная трель домашнего, Константин остервенело сдёрнул трубку.

– Да.

– Ты видишь, что происходит? – Голос отца по-стариковски дрожал. – Вы целы?

– Мы все дома, не переживай, – с досадой ответил он. Помолчав, понял, что неправ, и добавил: – Ты там как?

– Собирай Дашу, бери Олю, и приезжайте ко мне.

– Погоди, давай сперва разберёмся...

– Нечего годить и разбираться. И так всё понятно. Уезжайте из Москвы. Тем более, что пока есть куда.

От внимания Константина не ускользнуло это предательское словечко «пока». Он посмотрел на своих девчонок, напряжённо застывших перед телевизором, на экране которого вот уже несколько минут крутили одни и те же кадры со снесенным до половины собором Василия Блаженного, руинами зубчатых стен и котлованом на месте Красной площади и мавзолея.

Отец жил под Звенигородом, на старости лет получив заслуженную возможность покинуть столь ненавистную ему столицу. Вероятно, кто-то из соседей сообщил ему о случившемся, поскольку сам старик включал свой старенький неубиваемый Рубин-714 разве что на новый год да на 9-е мая.

– Батя, не переживай...

– Костя, ты идиот! Если тебе нужно в чём-то разбираться, разбирайся, но Дашку срочно ко мне! Дай-ка Ольгу.

Когда он протянул ей трубку, жена ошарашено посмотрела на него, однако послушно взяла, поднесла к уху и некоторое время молча слушала. Потом кивнула, сказала «Хорошо» и нажала кнопку отбоя.

– Даша, собирайся, – начала она уже другим тоном, встала и как будто забыла обо всём остальном. – Едем к Евгению Ивановичу.

– Мам...

– ... пока электрички ходят и метро не закрыли. Живо!

– Я такси вызову, – спохватился Константин, видя, что Ольгу уже не переубедить.

– Попробуй.

Все мобильные линии оказались занятыми. Почему она это знала, а он нет?..

Слушая частые гудки, он наблюдал, как жена с дочкой мечутся по квартире, запихивая в сумки всё, что попадалось под руку. Отшвырнул бесполезный телефон на диван. Бросился в кабинет и вернулся с паспортами, российскими и заграничными.

– Оставлять здесь не стоит...

– Почему только наши? – Ольга машинально сунула документы во внутренний карман Дашиной куртки. – Ты что, остаёшься?

– Выясню, что на самом деле происходит, и за квартирой присмотрю. Мне так спокойнее будет.

– А нам?!

– Если что, приеду завтра.

– На чём, на велосипеде? – Ольга уже окончательно взяла себя в руки. – Твой отец прав: сейчас народ ещё не прочухался, а через пару часов ломанётся из Москвы во все стороны, так что движение по шоссе будет парализовано. Поезда сегодня ещё ходят, а вот завтра – уже не факт. Ты будешь от нас отрезан.

Константин перехватил испуганный взгляд дочери. Улыбнулся ей.

– Не паникуй. Батя – любитель сгущать краски. – Он махнул рукой в сторону телевизора. – Жуть, конечно, но это всего лишь Красная площадь...

– Это не «всего лишь Красная площадь»! – повысила голос жена. – Это Москва. Или ты забыл, где мы живём? Где-нибудь в Сибири со времён тунгусского эксперимента Теслы до сих пор ничего не происходило – ни «крещения Руси», ни революций, ни войн...

– Если бы челябинский метеорит не сбили с курса, и он бы упал на хранилище урана и плутония, готовых к продаже американцам, то вся Сибирь была бы сегодня как Красная площадь, – пришла на помощь отцу Даша, вспомнив его разговоры с друзьями-учёными, которые время от времени собирались у них дома.

Ольга не сдержала улыбки, видя, что дочь тоже в боевой форме.

– Костя, ты знаешь, мы тебя любим и ждём. Не валяй дурака и как сможешь, сразу приезжай. Телефоны и зарядку мы на всякий случай возьмём.

Она поцеловала мужа и первой шагнула за порог.

– Папа! – Даша повисла у него на шее, чмокнула в щёку, подставила свою, всхлипнула и спросила, глядя снизу вверх: – Что деду передать?

– Чтобы стрелять тебя научил, – пошутил Константин.

– Я умею. Ладно, пап, давай, не задерживайся.

Закрывая за ними дверь, он слышал, как на лестничной площадке гудит подъезжающий лифт. Что-то ещё работало. Пока...

Глава 2 – Усадебные чаепития

Как они и предполагали, народу в электричке оказалось немерено. Продохнуть не получилось даже после Одинцово, где в обычные дни выходила половина вагона. Зато когда поезд проносился мимо железнодорожных переездов, становилось понятно, что они поступили правильно: змеи из напряжённо застывших перед шлагбаумами автомобилей и грузовиков не оставляли надежд на скорое выдворение их хозяев за черту московской «цивилизации».

Даша стояла в проходе рядом с матерью, смотрела в окно и невольно слушала разговоры возбуждённых попутчиков.

– Да всё нормально, всё нормально... – громко шептала пожилая женщина себе на ухо, к которому приложила допотопный мобильник. – Еду вот... в электричке я... неудобно говорить... всё нормально... Как там Коля? – Женщина была в тёплой не по сезону дутой куртке, которая, вероятно, была ей подарена дочкой или сыном. – Ты проследи, чтобы он никуда там не рвался. Пусть работает спокойно. Всё у нас нормально...

– Блин, я сперва подумал, что это новую компьютерную игрушку показывают, – делился с компанией друзей своими впечатлениями какой-то с иголки одетый подросток, сидевший у самого окна и избегавший смотреть на стоящих в проходе стариков. – Жахнуло классно!

– У меня на компе такая заставка стоит, – поддакнул ему кто-то из слушателей и почему-то покосился на Дашу. – Там тоже Красная площадь вся в хлам, и только кривая избушка стоит в овраге. Типа, будущее Москвы. Я фигею...

– Раньше много про такие финалы писали, – согласился первый. – Накликали, блин. У меня мать сегодня как раз в ГУМ зачем-то ехать собиралась. Брат заболел, и она осталась. Пипец...

Невидимые сзади пассажиры два голоса обсуждали вину президента и, почему-то, премьер-министра. Похоже, в другое время они с таким же напором спорили бы по поводу только что прошедшего футбольного матча. Казалось, им нравится высказывать крамольные мысли, особенно громко, чтобы все слышали. Неизвестно, чем бы всё кончилось и к каким бы выводам пришли спорящие, если бы на их замечание, мол, без президента никто и чихнуть не посмеет, низкий мужской голос ни заметил:

– С чего вы решили, будто президент что-то решает? Он для того резидентом и поставлен, чтобы исполнять команды не резидентов.

Народ как-то сразу притих, очевидно, ожидая пояснений, однако продолжения не последовало, и Даша посмотрела на мать. Та ей лишь подмигнула и снова перевела взгляд на грязное стекло окна.

Они как раз миновали Голицино, и за окном открылся широкий просвет бывшего леса, на месте которого уже не первый год зияло истыканное пнями поле, медленно, но верно приспособливаемое чьей-то бесстрастной рукой под будущие элитные застройки. И вот над этим самым полем, на фоне серого вечернего неба, слева направо, к Москве бесшумно пронеслись три плоские пирамиды.

Наверное, правильно было бы сказать «три треугольника», однако воображение Даши нарисовало именно пирамиды.

Пирамиды были чёрные, совершенно чёрные, точнее, совершенно не отражающие света, но при этом что-то на их поверхности светилось, причём успокаивающими салатными огоньками, как на светофоре. Подумать, что это такое, откуда и зачем, времени не было, поскольку все три объекта буквально чиркнули по серой пелене и исчезли. Так быстро, что у Даши заложило уши. И не у неё одной. В вагоне поднялся крик, причём кричали даже те, кто не мог видеть происходящего, а мог лишь ощутить возникшую ниоткуда упругую волну, которая как будто даже качнула поезд.

Даша инстинктивно закрыла ладонями уши, а мать так же инстинктивно сгребла её в охапку, словно пытаясь закрыть собой.

– Пиндосы! – на все лады выкрикивала в едином порыве прикидывая к опустевшим окнам молодёжь.

– НЛЮ, – высказывали свою точку зрения люди более зрелые.

– Вы видели?..

– Отстаньте! Не видите, я читаю?

– Мама, мама, это наши?

– Сядь спокойно!

– Охренеть...

– Это война!..

– Ты сколько насчитал?

– Три. Или больше...

– У нас таких на вооружении точно не стоит.

– Почём вам знать, что у нас стоит, а что нет?

– Идите вы...

– Вы на следующей будете выходить? Тогда давайте поменяемся.

– А какая следующая?

– А Кубинка скоро?

– Вы не туда едите. Вам надо было в Голицыно выходить.

– Ё-моё... Что ж они не объявляют, суки?!

– Потише, молодой человек, тут дети.

– Да выходим, выходим! Не топчите мне ноги!

Казалось, внезапное происшествие так же быстро забылось и выветрилось из вагона, стоило крикам стихнуть. Более того, кричавшие теперь как будто даже стеснялись своей первой реакции.

Даша в благодарность тоже обняла мать, и они проехали так до самой остановки Скоротово. Многие из тех, кто всю дорогу просидел, теперь стали вставать, стаскивать с полок над окнами сумки и рюкзаки и даже попытались пробиться к дверям. Есть люди, думала, наблюдая за ними, Даша, которым всегда нужно переться вперёд. Они и место первые занимают, и по головам идти будут, и ножом тебя в бок пырнут, если ты им помешаешь. Либо с головой не дружат, либо воспитание такое. Потому что есть такие и среди упёртых старух и среди тупомордых подростков. Хорошо, что мы живём в России, и такие особи сразу видны, как инородные тела, и их можно в ответ тоже неплохо приложить, не боясь буржуйских обвинений в нетерпимости.

Она изловчилась, сделала вид, что её саму толкнули, и бедром сильно боднула особенно шустрюю дамочку, решившую проложить себе путь к выходу под предлогом того, что её там уже ждут. Наглая лупоглаза физиономия сморщилась от предчувствия падения, но какой-то увалень, не успевший оторвать зада он лавки, поддержал её обладательницу, за что получил в качестве благодарности локтём в ухо и, одумавшись, брезгливо оттолкнул. Дамочка громко возмутилась таким с собой обращением, и предприняла было новую попытку победить толпу, но в итоге оказалась отгёртой даже дальше, чем стояла в начале.

Поравнявшись с платформой, поезд начал долго останавливаться, заставляя пассажиров отчаянно хвататься друг за друга, за полки и за спинки сидений.

– Такси возьмём? – спросила Даша затылок матери.

– Попробуем, – ответила та, не оглядываясь. – Но лучше бы автобус был.

Хотя вечер ещё не наступил, фонари уже зажгли.

Пустая обычно платформа сегодня была празднично оживлена многочисленными встречающими. Большинство которых на поверку оказались частными извозчиками из некогда дру-

жественных республик. Черноголовые крепыши на все лады предлагали «такси, такси» с ударением на первом слоге. Судя по вопросам из толпы и отрывистым ответам, цены уже успели перешагнуть все разумные пределы.

– Ну, прям как при Совке! – возмутилась кошёлка справа, пытаясь прорваться к ступенькам с платформы раньше остальных.

– При Совке именно этого не было, – резонно заметил кто-то ей вслед. – Все сидели по месту прописки, и в Москве можно было дышать. Вам ли не знать, бабушка...

«Бабушке» это было совершенно безразлично.

Автобус, как ни странно, оказался на месте. Даша присмотрелась. Да, он, 24-й. Правда, очереди уже выстроились в обе двери.

– Прорвёмся?

– Должны.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что очереди такие длинные из-за того, что двери закрыты. Как водится, автобус ждал своего водителя. Будущие пассажиры его уже не ждали, а материли. Вместе с пассажирами в железный футляр, начисто лишённый понятия растяжимости, собирались войти их относительно габаритные вещи. Было видно, что люди собирались хоть и в спешке, но явно надолго. В лучшем случае – раздутый рюкзак. Некоторые стояли с рюкзаком за спиной и чемоданами на колесиках в каждой руке. Причём казалось, что этих рук больше, чем положено.

– Похоже, мы здесь надолго, – услышала Даша, когда они подстроились к дальней из очереди, обещавшей быть покороче. Говорил какой-то долговязый рыбак с удочками, обращаясь к своей низкорослой спутнице, вероятно жене. Даше почему-то представилось, что спутница ему нужна в первую очередь как табуретка, чтобы сидеть у проруби.

– Ты чего улыбаешься? – переводя дух, оглянулась Ольга.

– Не, ничего, всё нормально...

Они постояли, размышляя, что делать дальше. Площадь перед платформой, как ни странно, быстро пустела. Поезд за сегодняшний день был не первый, так что цены на такси, оказывается, подскочили ровно до приемлемого предела, чтобы обеспечить полную загруженность и стареньких жигулей, и белых джипов последних моделей.

А водителя всё не было.

Возмущённый ропот перешёл в выкрики негодования. Кто-то уже стал потихоньку выламывать двери.

Даше вспомнилась жуткая поездка из сельской Террачины в ещё более сельский Неаполь, когда на единственной железнодорожной линии накануне произошла непонятная авария, и всем итальянцами и неитальянцам пришлось поутру добираться до работы и достопримечательностей на перекладных. Шуму всю дорогу было много, однако в итоге оказалось, что больше ста километров хоть и удалось преодолеть почти за три часа, но при этом они не стоили ни копейки.

Из двух дверей, в конце концов, поддалась только одна, и вторая очередь тоже метнулась к ней. Рыбак с удочками громко поведал своей табуретке о том, что вот сейчас придёт водитель и заставит всех снова выходить на улицу, чтобы проверить проездные документы. Рыбака в ужасе зацывали, и вливание в автобус продолжилось. Даше было поддалась паническому настроению, однако мама ловко перехватила её за руку и вернула в очередь, которая заметно поредела впереди. И оказалась совершенно права. Потому что когда под негодующие возгласы водитель вскоре всё же появился, и двери гостеприимно открылись (кроме той, которую покорёжили при насильственном вскрытии), они с Дашей оказались в хвосте автобуса в числе первых и даже смогли занять сидячие места в уголке, за перилами.

Последовали утомительные минуты ожидания, когда не вошедшие пассажиры вдоволь наругаются с подоспевшей в последний момент кондукторшей, которой, кстати, тоже не хва-

тило места, так что в итоге водитель не стерпел, смачно выругался, попытался закрыть двери, понял, что спины последних и самых отчаянных беженцев не позволят ему этого сделать, сказал было, что не тронется, пока двери не освободят, да был послан так далеко и с такой угрозой, причём рослыми мужикам, прижатыми непосредственно к его кабинке, что решил не испытывать судьбу и осторожно тронулся, вызвав всеобщий гул облегчения.

– Из Москвы? – услышала Даша вопрос, но не сразу сообразила, что обращаются к ним.

Она отвела глаза от запотевающего окна и увидела пригвожденного к перилам чернявого юношу. Юноше было лет на вид немногим за двадцать, и смотрел он заинтересованно и на Дашу, и на Ольгу. Причём именно на обеих сразу. Как ему это удавалось при внешней обычности голубых глаз, Даша не поняла и замешкалась, так что первой среагировала мама:

– А вы что, разве не оттуда же?

– Нет, спасибо. Я отсюда, – протянул он «у» и не слишком добродушно улыбнулся. – Говорят, там вашу площадь взорвали?

Ольга оторопела и покосилась на дочь.

– Если ты про Красную, – сказала Даша хмуро, – то она такая же наша, как и твоя.

– Ну, это как посчитать, – поморщился собеседник, которому в этот момент, видимо, наступили на ногу. – Скоро выходите?

– А тебе-то что?

– Да вот думаю, смогу ли вас пропустить...

– Не сможешь, так сам выйдешь.

Ольга толкнула Дашу коленом, призывая сбавить обороты.

– А я вас, кажется, знаю, – будто не заметив Дашиной грубости, продолжал парень. – Вы – внучки Евгения Ивановича, из Луцино. Правильно?

– Почти угадали. – Теперь Ольга смотрела на Дашу озорно: незнакомый собеседник видел в них сестёр. – А вы ему кем приходитесь?

– Соседом. – Парень обрадовался, что его больше не отшивают, и заговорил, не обращая больше внимания на Дашу. – Правда, он в посёлке живёт, а я в селе, ну, возле магазина. Там я вас пару раз и видел, должно быть. Тогда извиняйте. Вы наши, а я вас за дачниц принял.

– А что плохого в дачницах? – поинтересовалась Ольга и добавила: – Даш, ты там следи за дорогой, чтобы не проехать.

– Да вы не волнуйтесь, я тоже выходить буду. Меня, кстати, Натаном зовут.

– Случайно не Натан Дрейк? – съехидничала Даша, имея в виду героя целой серии приключенческих игр с так никогда и не переведённым на русский язык названием *Uncharted* («Неотмеченное на карте» или просто «Неизведанное»). – Или, может, Натан Ротшильд?

– Против второго я бы не возразил, – прищурился собеседник. – Лучше быть просто главным, чем главным в одной банде. Ведь Дрейк был пиратом, если не ошибаюсь?

– Ладно, проехали, – хмыкнула Даша.

– Проехали?! – встрепелась Ольга, но сразу поняла, что сглупила, и неловко хохотнула. – А вы, Натан, что по поводу всего этого думаете?

– А чего тут думать? Понятно, что очередная провокация. Сами бомбанули, а потом на кого-нибудь свалят. В крайнем случае, на инопланетян. Обычные террористы уже не возбуждают.

Ольга снова не нашла, что ответить, зато Даша присмотрелась к парню повнимательнее.

Голубые глаза его семитской в остальном внешности, в общем-то, даже шли; одет он был вполне чисто и прилично; хотя говорил простым языком, похоже, делал он это нарочито, умело подбирая слова и подстраиваясь; на беженца из столицы точно не походил ввиду отсутствия вообще какой-либо поклажи, если не считать висящего за ухом наушника от телефона.

– А ты пирамиды летевшие видел? – вкрадчиво напомнила Даша. – Уши не закладывало?

– Видел. Заклаживало. И что?

- Ну, как бы так выразиться, чтоб ты понял... На обычные самолёты они не были похожи.
- Значит, это были необычные самолёты. И что?

Теперь он забыл о существовании Ольги и выжидательно уставился на Дашу. Не получив ответа, сам развил свою мысль:

– Когда у нас складывается о чём-то определённое представление, всегда надо не спешить с выводами и думать, кому выгодно, чтобы оно у нас складывалось.

- Я тоже люблю порассуждать на тему теории заговора, но...

– Никакой «теории заговора» нет, как ты знаешь, если действительно на эту тему рассуждаешь. Потому что это уже давно голая практика.

Автобус тяжело затормозил, двери неохотно открылись, и поток выдавил Натана на наполненную лесным воздухом улицу.

- Ты его видела когда-нибудь? – воспользовалась паузой Даша.

– Не думаю. Но ты могла бы быть и повежливее. Он знает твоего деда...

– Ну, деда я обязательно спрошу. – Она выглянула в проём двери. – Нам через две выходить.

Когда автобус тронулся дальше, Натан оказался отиснутым от них вглубь салона, и беседа сама собой иссякла. Иногда Даша замечала, как он оглядывается на неё через плечо и виновато кивает.

- Даш, а ты поняла, что он сказал?

– Что повторяется история с одиннадцатым сентября, с падением самолётов, со взрывами домов, с убийствами журналистов в прямом эфире. Вполне возможно, что он прав.

- Но такой размах...

– А мне не дают покоя пирамиды. И то облако, что мы видели из самолёта.

Ольга с сомнением почесала кончик носа, как она иногда делала, чтобы не чихнуть.

– Летающие треугольники, да, согласна, наверняка какое-то отношение ко всему этому имеют, но вот то облако, как ты говоришь. Не вижу связи.

- В Мачу-Пикчу чётко тарелка была.

Даша спохватилась и стала судорожно тыкать красивым ноготком в экран телефона.

- Сейчас посмотрим, что там говорят. Блин, заряда мало.

Заряда и в самом деле хватило лишь на то, чтобы убедиться... в отсутствии сигнала.

- Сдох телефончик, – подытожила Даша. – И интернет тоже.

– Ничего, у деда зарядим. Нам не пора? – Ольга привстала, реагируя на очередную остановку автобуса.

- Сиди, нам на следующей.

Натан уже пробивался к выходу, чувствуя, что две пары женских глаз с интересом наблюдают за его манёврами, и слегка краснея от гордости.

- Ну что, попробуем выбраться? – громко спросил он, хватаясь за последний поручень.

– Молодой человек, что же вы так толкаетесь? – взмолилась притиснутая боком к двери старушка, подозрительно косясь при этом на Дашу.

- Выйти хочу.

– Вот остановимся, тогда толкаться и будете.

- Как скажете.

Даша увидела, что мама улыбается, хмыкнула и начала собираться, чтобы встать. Натан протянул свободную руку к их сумкам.

- Давайте я помогу.

– Не стоит...

Но он уже тянул на себя самую тяжёлую. И при этом делал вид, что подцепил пушинку. Ольга взялась было за сумку дочери, но Даша уже затащила её себе на колени и сделала страшные глаза.

Вырывались из автобуса дружно, всем гуртом, радуясь, что позади локти, давка и затхлый воздух, а на улице – тишь после людских голосов, беззаботное птичье чириканье да свежее дыхание хоть и обжитого, но всё равно леса.

Перед безымянной часовенкой на углу придорожного кладбища расстались. Натан, конечно, порывался обеих дам проводить до самого дома, однако достойного повода не нашлось, Ольга свою сумку сразу забрала, Даша с некоторой издёвкой подала ему руку для пожатия, так что прощание прошло безболезненно и почти буднично.

– Надолго к нам? – спохватившись, поинтересовался новый знакомый, теребя пальцами один из наушников на белом шнурке. Второй уже торчал в ухе.

– Пока инопланетяне не улетят, – невесело пошутила Даша, не глядя на мать. – Москва уже достала.

– Если отрубят электричество, приходите ко мне, у нас генератор мощный стоит. – Он помахал им двумя пальцами и поспешил к селу через песчаную насыпь вдоль кладбища, не оглядываясь.

– Странный тип, – заметила Ольга, когда они уже подходили к вечно поднятому шлагбауму перед въездом в посёлок. Вероятно, сторожа боялись, что от частых опусканий шлагбаум сломается.

– Но тебе, кажется, понравился. – Даша по привычке кивнула окошку будки, но сегодня будка оказалась пустой. – Ты его когда-нибудь раньше тут видела?

– Не припомню. Но, знаешь, дети быстро растут...

Они стали подниматься по асфальтированной дороге, красиво запорошённой по обеим сторонам золотыми и алыми листьями.

В детстве Даша проводила у деда каждое лето. С возрастом ей стали нравиться более оживлённые места, и несколько лет она бывала здесь разве что на новый год да считанные разы летом, когда хотелось покупаться в незагаженной Москве-реке. Сейчас ничего вокруг как будто не изменилось, однако она поймала себя на ощущении, будто смотрит на знакомые заборы и заросшие выюнками калитки как-то по-иному.

Деда Даша помнила хорошо. В отличие от внучки он предпочитал проводить тут всё свободное время, которого у него в последние годы выдалось предостаточно. В их московской квартире Евгений Иванович появлялся крайне эпизодически да и то всё больше именно тогда, когда молодое семейство дружно отчаливало куда-нибудь в очередную за границу, а между тем минимум раз в неделю требовалось поливать оставленные без надзора цветы на подоконниках. Тем не менее, Даша всегда знала, что дед где-то рядом. Когда она училась на младших курсах, он странным образом то и дело возникал там, где она имела обыкновение «тусоваться» со своими друзьями, иногда кивал издали, будто случайно заметив, иногда оказывался за соседним столиком в кафе, иногда встречался по пути в магазин, где Даша любила прогуливать пары, прикупая себе всякую ненужную дребедень, и после короткого разговора «о том о сём» украдкой снабжал дополнительной суммой столь нелишних денег. Это была их маленькая тайна. Дед умел заботиться о внучке издали, никогда не досаждал лишними вопросами и не навязывался. В последнее время они виделись на нейтральной территории редко, и Даша думала, что либо деду стало не до неё, либо уже не то здоровье. Однако если бы не сегодняшний жуткий повод, ещё неизвестно, когда бы она собралась по собственному почину навестить его.

Старый бревенчатый дом Евгения Ивановича, «усадебка», как говорили у них в семье, прятался далеко от дороги, в густой чаще елей и сосен.

В отличие от села, посёлок сохранил свою первозданность, а главное – лень приезжих хозяев перед копанием в обременительных огородах. Поэтому дачи здесь как строились прямо среди деревьев, так и стояли, разве что обнесённые за последнее время более негостеприимными заборами. Тут никто ничего старался не корчевать, чтобы впоследствии засадить «картошечкой или укропчиком», дорожки на участках не асфальтировали и не закладывали плит-

ками, и только староста иногда призывал соседей придавать селу «божеский вид», справедливо опасаясь, как бы звенигородские жадные до земли власти ни решили, будто село запущено, и его можно прибрать к волосатым рукам. Даша, разумеется, об этом ничего не знала, и всегда радовалась именно тому, что поездки к деду не бывают связанными с копанием на грядках, чего не могли избежать в своём большинстве её однокурсники.

– Я уж думал, вы на автобус опоздали...

Дед стоял за калиткой, поджидая столичных родственников.

– Здравствуйте, Евгений Иванович.

– Оленька, я не могу запретить тебе называть меня по имени-отчеству, но это необязательно, я уже говорил. Берите пример с дочки. Ты как меня величаешь, Дашуль?

– Дед. – Она по привычке повисла у старика на шее, вдыхая солнечный аромат загорелой кожи и седых волос.

«Стариком» Евгения Ивановича можно было окрестить разве что по традиции. По той самой, которая делала из героинь классической русской прозы «старух» в неполные тридцать лет. Евгений Иванович отличался крепостью тела, подтянутостью и завидной молодцеватостью и в стати, и в жестах, и во взгляде серых глаз. Даша навсегда запомнила, как была поражена, когда впервые оказалась с родителями летом на итальянском курорте и увидела, что у седых дядечек, оказывается, бывают покатые плечи, висящие бока, а главное – беременные животики. До того она искренне считала, что мужчины с возрастом остаются стройными и сильными, а отца от деда можно отличить разве что по цвету бороды и пышности шевелюры. Кроме того, Евгений Иванович привил сыну понимание того, что «мужик без бороды – что баба с бородой», правда, Константин Евгеньевич предпочитал носить бородку более «академическую», максимально короткую и опрятную, тогда как «дед» относился к ней так, как жители посёлка – к лесу. Высокий, почти лишённый морщин лоб, плавно переходил в затылок, однако, что интересно, Евгений Иванович ни на кого и никогда не производил впечатление лысого. Даша помнила, как кто-то из знакомых в компании начал рассказывать при деде анекдот про лысого повара, Евгений Иванович смеялся громче всех, а рассказчик осёкся лишь когда уже было поздно.

– Ну, заходите, коль приехали. – Продолжая улыбаться, дед запер калитку и забрал обе сумки. Никто этому его жесту не воспротивился, даже Ольга. – Негусто харчей набрали, однако.

– Харчей немного. В основном вещи...

– Правильно. Жратвы у меня на первый месячишко хватит, а там посмотрим.

– Месячишко? – Уже по-хозяйски прошедшая вперёд Даша оглянулась. – Ты серьёзно?

– А кто же их знает, когда они там уgomонятся? Раз такую заваруху устроили, явно не на два дня. Поживёте пока тут, в безопасности. Не будем загадывать. Костя-то что говорил?

– Чтобы ты меня стрелять научил, – вспомнила Даша.

– Это, коза, само собой...

– Я надеюсь, он завтра приедет, – поспешила вмешаться Ольга. – Хоть на велосипеде, а приедет.

– Народу, небось, полно было?

– Всю дорогу простояли. – Даша взбежала на крыльцо и распахнула перед дедом дверь. – Заходи и будь как дома!

Ольга строго подняла бровь, однако сообразила, что стала свидетельницей их личного ритуала, в который не была посвящена, и благоразумно промолчала.

Внутренности «усадебки» ничем не отличались от тех, которые строили на почти казённые деньги счастливые обладатели участков в послевоенные годы. С улицы гости попадали на застеклённую веранду, которую в Подмоскovie принято было называть террасой, и которая считалась кухней. Отсюда вторая дверь открывалась сразу в большую комнату или сени. В слу-

чае Евгения Ивановича сеней не предусматривалось. Просто две просторные комнаты, первая из которых служила гостиной со столом, печкой и кроватью, а вторая – спальней, детской, игровой, одним словом, тем, что нужно было подрастающей внучке и её родителям. Между комнатами неведомый архитектор, вероятно, сам дед, расположил узкий коридорчик, половина которого была занята совмещёнными удобствами с горячей водой в бойлере. Другая половина представляла собой лестницу-шкаф, уходящую на второй нежилой этаж. Строго говоря, нежилым он оказывался в зимнее время, поскольку высокие окна плохо удерживали тепло, но зато весной и летом здесь было настоящее раздолье и царила атмосфера полноценного тропического бунгало – с гамаком под потолком, мягкими подушками, разбросанными по деревянному полу, и постоянными сквозняками. У Даши тут было даже своё плетёное кресло-качалка, в котором она любила слушать музыку и иногда даже спать.

– Батареи я пока не включал, рановато, так что с непривычки может показаться прохладно, – сказал Евгений Иванович, ставя сумки в угол и с наигранным трудом распрямляясь. – Могу, конечно, печку растопить, ежели желаете.

– Нет, не нужно, – поспешила заверить свёкра Ольга. – У вас не холодно, а свежо. После Москвы хоть подышим. С вашего позволения, я ужином займусь.

– Ольга-Ольга, – с укором остановил её хозяин. – Ужин у нас есть. Не суетись, дорогая моя. Наступит завтра, привыкните, надышитесь, тогда и за готовку сможете приняться. Внучка-то моя как, от плиты бежит?

Даша только сейчас осознала, как соскучилась по деду, всегда такому сильному, умному и доброму, что обняла его сбоку за талию, склонила голову на плечо и задумчиво пояснила:

– Не бегу, но и не напрашиваюсь. Всё равно лучше мамы у нас никто не готовит.

Ольга улыбалась, глядя на них. Раньше она слегка опасалась Костиного отца, считая его несколько странным человеком, слишком нелюдимым что ли, слишком замкнутым в своей несуетной пенсионерской жизни. И надо же было так напугать всю страну взрывом на Красной площади, чтобы, оказавшись здесь, на относительном удалении от опасности, почти физически ощутить покой, исходящий от этого человека и этого дома, которому теперь было суждено стать их приютом на неопределённый срок.

– У нас тут новый знакомый появился, – сказала она, чтобы поддержать разговор и побыстрее отделаться от собственной первой неловкости. – В автобусе разговорились. Вы...

– Ты Натана знаешь? – перебила Даша.

– Моссадовца? – усмехнулся дед и, скосившись на внучку, добавил: – Не знаю и знать не хочу.

– А почему «моссадовца»?

– У него мать по этой линии промышляет.

– Правда что ли! Разведчица? – Даша отпустила руку деда и плюхнулась на кровать. – А говоришь, что не знаешь! Он тебя точно знает.

– Сомневаюсь.

– В смысле?

Дед не ответил. Но смотрел хитро, словно чего-то выжидая. Таким Даша любила его больше всего, потому что за этим взглядом в детстве обычно следовал какой-нибудь интересный подарок.

На сей раз обошлось без подарка.

Евгений Иванович вернулся к входной двери, запер её на щеколду, по пути обратно выглянул в окна, приложил палец к губам и поманил обеих гостей за собой, в другую комнату. Ольга решила, что он сейчас предложит им там расположиться, как бывало раньше, однако Евгений Иванович жестом велел им задержаться на пороге, достал из нагрудного кармана рубашки нечто вроде брелка от машины и надавил на большую синюю кнопку.

Дальше всё происходило как в очередном плохом фильме о Джеймсе Бонде.

Крашенные доски в центре комнаты по очереди плавно осели в пол и разъехались в стороны, открывая похожий на колодец проход с бетонированными стенами.

– Ух ты... – только и сказала Даша, от неожиданности забыв новомодное «Уау».

Довольный произведённым впечатлением, дед первым подошёл к отверстию и стал по железным ступенькам осторожно сходить под землю.

– Бункер? – догадалась Ольга, отказываясь верить собственным глазам.

– Вроде того. Только головами не ударьтесь.

Даша первой нырнула под пол следом за дедом.

Ступени заканчивались на глубине метров двух, упираясь в мощный щит двери, почти такой же, как показывают внутри крутых банков. Только никаких рычагов, сейфовых замков и прочей ерунды. Одна обычная ручка. За которую было достаточно потянуть, чтобы вся машина двери легко открылась.

– Запирается только изнутри, – пояснил Евгений Иванович и с улыбкой добавил: – Ничего лишнего.

– Это вы всё сами построили? – Ольга обняла дочь сзади за плечи. – Но когда?

– Всегда. Это всегда здесь было. Просто я изначально посчитал, что было бы нехорошо смущать соседей высоким домом. Поэтому раз не имеет смысла строить ввысь, то ничто не мешает строить вглубь. Так вот и получилось. Теперь, увы, настало время пользоваться.

Он отступил, пропуская женщин вперёд.

Стоило Даше переступить порог, зажётся свет, и стала видна просторная комната, превышающая по площади ту, что осталась наверху. Ещё три ступени, и Даша поняла, что потолки здесь даже выше. Удобная мебель вдоль стен. Камин в углу. Шкафы с книгами. Маленький столик с компьютером.

– Проходите, проходите.

– А это что? – Обойдя комнату, Даша остановилась перед круглыми перилами, уходящими следом за винтовой лестницей ещё глубже под пол.

– Минус второй этаж, – ответил дед, закрывая за собой дверь на рычажок-щеколду.

– И сколько их всего, этажей?

– Три.

– Честно говоря, – присела в удобное кожаное кресло Ольга, – я всегда думала, что такие тайники строили только сумасшедшие параноики американцы, боявшиеся ядерной войны с тогдашним Советским Союзом.

– Ну, теперь ты видишь, что сумасшедшие параноики есть и у нас. – Евгений Иванович подмигнул Даше и сделал знак, чтобы она не боялась и спускалась по лестнице дальше.

– Я имела в виду...

– Ты всё правильно имела в виду, Оленька. Нормальные люди ждут до последнего и думают, что ничего плохого случиться не может.

Даша тем временем уже крутанула по лестнице вниз. Гостеприимно вспыхнувший при её появлении свет уже не удивлял.

Второй отрицательный этаж был не таким просторным. Подпрыгнув, Даша могла бы достать до потолка, утыканного кружками маленьких лампочек. Здесь располагались самые нужные вещи: кухня с большим холодильником и плитой, ванная комната с душем, отдельная уборная, стиральная машина и ещё один компьютер на таком же маленьком, как наверху, столике.

– Дед, а как ещё ниже спуститься?

– Сейчас покажу. – Евгений Иванович легко сбежал по железным ступенькам. Следом за ним осторожно спускалась Ольга. – А тут ты уже всё осмотрела?

– Да вроде да. «А разве ещё что-нибудь есть?» спросил Винни Пух...

Она наблюдала, как дед заходит в кабинку туалета, унитаза в котором стоял боком ко входу, и проходит чуть дальше, к противоположной стенке, слегка загороженной умывальником.

– Тебе, Дашуль, не кажется, что здесь больше места, чем нужно для указанных целей?

– У тебя в подвале вообще места полно. Я бы прямо тут и жила.

– Возможно, нам всем скоро придётся. – Дед нажал на стену, и она поддалась, открываясь наружу. – Заглянешь?

Последующие несколько минут были пронизаны тишиной. Обе гостьи миновали унитаз с умывальником, вошли в залитую белым светом люминесцентных ламп комнату и застыли в растерянности.

Тупой фильм про Джеймса Бонда продолжался. Только это был не фильм, а пугающая и одновременно чарующая реальность. Потому что белые стены комнаты угрожающе чернели от украшавших их всевозможных пистолетов, ружей и автоматов. Никаких шкафов, никаких сейфов – всё открыто и доступно, стоит только руку протянуть. В дальнем углу прислонилась к стене некрасивая штукавина с очень длинным дулом и толстым брюшком. Пулемёт, поняла Даша, хотя никогда раньше ничем подобным не увлекалась. Ещё её внимание обратили на себя три похожих на рыб-скатов арбалета, висевших прямо над входной дверью. Весь пол был заставлен ящиками с патронами.

– Ни-че-го се-бе! – выдохнула она, наткнувшись на хитрый взгляд деда.

– Приданое твоё.

– Евгений Иванович, что это такое? – чуть не расплакалась Ольга.

– Крупнокалиберный пулемёт Корд 12.7, если ты имеешь в виду вон ту игрушку, которая явно приглянулась Дашке. А если вообще – то это средство для нашего с вами выживания.

– Дед, а ты сам всё это собрал?

– Ну, мне одному столько, сама понимаешь, не нужно. Так что друзья помогли. Арсенал – мой, оружие – общее.

– И из всего этого можно пострелять?

Евгений Иванович осмотрелся, словно сам видел свои железные сокровища впервые, и тихо пояснил:

– Конечно, можно. Надеюсь, правда, что не придётся. Потому что здесь, как вы понимаете, всё незарегистрированное.

– За такое, я слышала, сажают, – взяла себя в руки Ольга.

– Непременно. Поэтому воспользоваться этим мы сможем лишь тогда, когда уже никому не будет дела до того, зарегистрировано оружие или нет.

– А из арбалета можно будет пострелять? – Даша успокаивающе улыбнулась маме. – Они ведь не запрещены?

– Да, к счастью, запретить не успели. Завтра потренируемся. Сегодня я вам пока просто общий осмотр устраиваю. Чтобы знали кое-какие мои секреты и понимали, что ничего бояться не надо.

– Я сегодня точно не засну, – призналась Ольга.

– Дед, а друзья твои кто?

– Правильные люди, Дашуль. Я тебе как-нибудь расскажу. История долгая. Ладно, это ещё не всё. Пошли.

Когда они вышли, свет в арсенале сам собой погас.

– Смотрю, вы на электричестве не слишком экономите, – заметила Ольга.

– Наоборот, экономлю. Но не до сумасшествия. Притом оно у меня здесь своё. Общественное только верхний дом частично снабжает. Просто чтобы пустые счета и застывший счётчик никого из властей не заставляли лишний раз задумываться. А так у меня тут то, что назы-

вается альтернативной энергией. Тоже друзья в своё время подсказали. Ни дыма, ни копоти, ни лишних расходов.

– А камин на минус первом? – вспомнила Даша.

– Так ведь прелесть живого огня никто не отменял. – Дед потрепал пышущую счастьем внучку по светлым волосам. – Вытяжка хорошая, через заземлённую трубу с рассеиванием дыма. Ни глазами не заметят, ни даже с помощью тепловизора.

– Чего?

– Неважно, радость моя. Всё по уму, короче. Вон, смотрите.

Евгений Иванович отошёл к кухне и надавил обеими руками на край столешницы. Узкая секция шкафа поддалась и... ушла в стену, открыв достаточный для взрослого человека проём. Никто уже не удивился. Обе гости с интересом заглянули внутрь и обнаружили большую кладовку, полную коробками с долгоиграющими продуктами.

– Даш, ты когда-нибудь пробовала настоящую армейскую тушёнку из спецрезерва?

– Это какой такой спецрезерв пустили на тушёнку?

Евгений Иванович рассмеялся, признавая, что получилось многозначно.

– Сгущёнка, пшено, сухофрукты, консервы разные. Четверым тут года на два за глаза хватит.

– А потом что будем есть? – невесело уточнила Ольга, выходя из задумчивости.

– За это время, моя дорогая, охотников до съестного сильно поубавится. – Дед задвинул кухню обратно. – Ниже пойдём?

– А что там?

– Серьёзное бомбоубежище. Это всё, – обвёл он взглядом хозяйство, – послужит нам во время любой наземной операции, а если ракетами перебрасываться начнут, придётся туда лезть.

С этими словами он отфутболил лежавший посреди комнаты половичок, под которым обнаружился примитивный прямоугольный люк. Чтобы открыть его, однако, пришлось повозиться, поскольку люк оказался тяжёлым и поддался только на уговоры специального небольшого домкрата.

– И как мы с ним справимся, если будем внутри? – снова призвала на помощь здравомыслие Ольга.

– Изнутри гораздо удобнее, – охотно пояснил хозяин. – Там у меня предусмотрена хорошая гидравлика, которая не только люк открывает-закрывает, но и герметично засасывает. Технологии шестидесятых годов, но оттого тем более надёжные – не чета нынешним компьютеризированным игрушкам.

Ни Ольга, ни дед за Дашей не полезли, а она всё-таки спустилась по съёмной лестнице в зябкое тёмное помещение и долго возилась, пока нашла выключатель.

– Тут у тебя не бомбоубежище, а настоящий бункер Гитлера, Сталина и Черчилля в одном, – крикнула она, обозревая узкий коридор, в которой выходило несколько небольших комнат со всем тем набором, который встретил их наверху: спальни, удобства, кухня, кладовка. Вероятно, был и здесь и филиал оружейного арсенала, однако специально проверять Даша не стала.

Стоя одна в неуютном холоде она загадала, чтобы никогда сюда по необходимости больше не спускаться.

– Насмотрелась? Поднимайся, идём чай пить, – позвал дед.

– Кстати, ты говорил сначала, что у тебя запасов еды на месяц, – заметила Даша, когда они обратным маршрутом вернулись в надземный дом и как ни в чём не бывало занялись приготовлениями к ужину и ночлегу. – А теперь выясняется, что года на два. Выходит, ты уже потом решил нам всё это показать? Почему? Из-за Натана?

Евгений Иванович почесал бороду. Было заметно, что он прячет растерянность. Улыбнулся. Подмигнул Ольге.

– Дочка у тебя – прирождённый сыщик. Родного деда на путь истинный выведет – глазом не моргнёт. И откуда только нынешние детишки такие берутся?

– Просто ты не так много говоришь, чтобы не запомнить, – пояснила Даша, заваливаясь в кресло и уютно поджимая ноги. – Колись, дедуля!

– Выбирай выражения! – Ольга чуть не выронила из рук чашки. Она хотела добавить «ты не дома», но вовремя осеклась.

– Поскольку всё это я в своё время делал ради безопасности, своей и моих близких, – спокойно пояснил Евгений Иванович, – то вообще-то самым правильным было бы ни тебе, ни твоей матери, ни даже Косте об этом не знать.

– А папа что, не знает?! – поразились Даша.

– Знает, но не всё. – Он взял у Ольги чашки и с задумчивым видом шахматиста расставил на столе. – Я воспитывал его любознательным, а не любопытным. Но сегодня наступило время, которое не могло не наступить. Теперь всё будет происходить гораздо быстрее, так что моё молчание было бы вам во вред. Натан и его маман – да, это отдельная тема, их нужно остерегаться, разумеется, и не подпускать к себе близко. То, что он вам повстречался в такой неподходящий момент, можно расценить и как сигнал. Поэтому я решил не скрывать с теми, кто мне дорог.

– Насчёт «не знать ради безопасности» я, честно говоря, не очень поняла, – призналась Ольга. – Меньше знаешь – лучше спишь? Из этой оперы?

– Да, что-то вроде того. Передай-ка мне вон тот ножик, будь добра.

Дед достал из холодильника круглый пирог на заварном креме и принялся аппетитно его резать, украдкой поглядывая на внучку.

– Сам пёк? – уточнила она, обмениваясь с матерью многозначительными взглядами.

– А то! Ты в детстве, помнится, любила.

– Так ты, выходит, нас ждал, что ли?

– Ну, во-первых, такой тортец можно сварганить и за то время, пока вы из Первопрестольной досюда доберётесь. А во-вторых, даже без подрыва Красной площади я мог рассчитывать на то, что рано или поздно вы меня проведаете. Так что в холодильник я поставил его ещё вчера.

– Почему «подрыва»? – Даша пересела с кресла на стул, чтобы оказаться поближе к столу. – Ведь сообщали, что упало какое-то крупное тело. Или снаряд. Ты телек вообще что ли не смотришь?

– Нет. Зачем?

– Кстати, а интернет у тебя пашет? Мам, давай пока телефоны зарядим. – Она забежала по комнате, ища розетки и втыкая в них перекрученные проводки. – Ну-ка, дай-ка я ещё раз сигнал проверю. Так... не, не ловит почему-то. Придётся ящик включать.

– Даша, – выпрямился Евгений Иванович, – включай, если найдёшь. Лично я его года с десятого в глаза не видел.

– Так у тебя, погоди, вообще телека теперь нет?

– Вообще. – Он разложил куски пирога по блюдам, выразительно облизал нож и превратился из всезнающего деда в проказливого мальчишку. – Угадай, почему они интернет отрубили?

Даша снова посмотрела на маму, но Ольга только плечами пожала.

– Именно для того, мои дорогие, чтобы народ на телевизоры переключился. Потому что в интернете наверняка уже говорят не то, что хочет нам сказать по поводу произошедшего наше любимое правительство. А в телевизоре всё правильно и подконтрольно. Там уже давно приучают зрителей к мысли, что без инопланетян тут ну никак обойтись не могло.

– Откуда ты знаешь, если не смотришь?

– Да просто вместо телевизора у меня есть то, что они при всём желании не смогут отключить. – С этими словами Евгений Иванович указал на мигающую зелёными огоньками серую коробочку с чёрной антенной и важно пояснил: – Личный вай-фай. Спутниковые технологии и всё такое...

Даша снова оживила экран телефона и перешла в «настройки беспроводных сетей».

– О, да тут у тебя аж два сетевых соединения высвечивается! Sovest и Sovest01. Какое можно выбрать?

– Только не Sovest, а совесть. Слово, о котором многие успели позабыть. И вместе с которым таким образом утеряли лучшее своё качество. Выбирай любую. Пароля, разумеется, не требуется.

– Деда, ты – гений!

– Я знаю. Ну так что, к столу?

Ольге всё это время хотелось сказать о том, что есть сладкие пироги вместо ужина, по меньшей мере, странно, да вообще лучше меньше веселиться и заняться делом. Каким – она уточнить не могла, однако чувствовала, что происходит вовсе не то, что она ожидала, когда спешила сюда из обложенной страхами Москвы на переполненной электричке. Если Евгений Иванович таким образом собирается их заговорить, отвлечь от неприятных мыслей, то он делает это напрасно, потому что от реальности не уйдёшь...

Её отвлёк звонок телефона. Не мобильного, обычного, который стоял на подоконнике и которому было наплевать и на интернет, и на все прочие нововведения.

– Это Костя, – сказал дед. – Оль, послушай. И лишнего не говори.

Он не ошибся.

– Ну что? Как вы? Добрались удачно? – Голос в трубке звучал напряжённо.

– Всё в порядке, не волнуйся. У тебя там как?

– Еле дозвонился. Тут вообще дым коромыслом...

– Удалось что-нибудь выяснить?

– По Москве телефоны вообще мёртвые. Скрыбиным звонил, но бесполезно. Пичугин прозвонился сам. Говорит, мол, тема НЛЮ получает подтверждение. Они с Петровым до Красной площади добрались, но там такой кордон, что даже их не пустили. Техника уже понаехала, я даже отсюда слышу.

– Ты о чём?

– Танки, БТРы, всё как полагается. Здравствуй 91-й год, короче.

– Давай к нам. Чёрт с ней, с квартирой. Тут спокойно. Вон и Дашка зовёт.

– Переночую, а завтра посмотрю. Я хочу...

Послышались частые гудки.

– Разъединили... – Ольга послушно положила трубку. – Завтра, может, приедет. У них там уже армию ввели.

– Что и требовалось доказать, – кивнул Евгений Иванович. – Ради неё, родимой, всё и делается.

Запахи пирога и горячего чая соблазняли, однако Даша уже поймала долгожданный интернет и не могла оторваться. Потому что камеры внешнего наблюдения зафиксировали момент взрыва, и теперь эти кадры транслировали все новостные агентства, каждая со своими комментариями, которые, правда, сходились на главном: на Красную площадь среди бела дня упало инородное тело. На видео (подозрительно плохого качества), действительно, было видно стремительное промелькивание вниз на фоне куска стены с башней и Василия Блаженного чего-то чёрного и довольно большого, после чего экран заливали яркие брызги. Специалисты в студиях проводили параллели с произошедшем незадолго до этого в Париже, где останки

Лувра тоже были оцеплены, и подробностей пока не сообщалось, что подогревало ажиотаж и панику.

– Насмотрелась? – Евгений Иванович поставил перед внучкой блюдо с пирогом. – Закуси вот лучше. Охота тебе эту чушь смотреть...

– Почему чушь?

– А ты не видишь? Ты с сахаром?

– Уже давно без. – Даша попробовала угощение и осталась довольна. Облизала кончики пальцев. – Чего я не вижу?

– Ну, например, что ролик показывают один и тот же. Будто в этот момент ни на самой площади ни в округе не было никого, кто снимал бы происходящее хотя бы на телефон. И это в наше-то время да в таком туристическом месте. Уверен, что и парижские дела преподносят в таком же ключе.

– Значит, просто нет других роликов. – В голосе Ольги угадывалось раздражение. Хотя тема конспирологии и заговоров была у них в семье открытой, она всегда подозревала в ней двойное дно. В отличие от неё, Даша верила практически всему, а Костя считал, что мир спасёт скептицизм. Евгений же Иванович говорил сейчас слишком серьёзно.

– С падением «инородного тела»? Конечно, нет. Может быть, правда, ещё парочка появится в ближайшие дни. Когда смонтируют. Как было и будет со всеми подобными явлениями. Возьмите те же хрестоматийные взрывы башен-близнецов в Нью-Йорке. Сегодня со всей очевидностью доказано, что никакие самолёты в них отродясь не врезались. Очевидцы в основном говорили о внутренних взрывах, кто-то даже вслух удивлялся, когда журналисты задавали наводящие вопросы про самолёты, а зрители у экранов поражались их «глупости», поскольку по телевизору все каналы транслировали пикирование второго самолёта во вторую башню. Аж с двух точек. Но только с двух. Зрители, конечно, не знали, что картинку им показали с некоторой задержкой, когда монтаж был готов. А парочка появившихся к вечеру «очевидцев» именно самолётной версии, как оказалось впоследствии, снимались даже не на улице, а в павильоне, на зелёном фоне, куда потом подложили кадры бегущих от башен людей. И это всё при том, что за горением башен наблюдали десятки тысяч жителей и гостей города. Телефонов с камерами в том 2001 году ещё не было, однако уверен, что запастись фото и видеокамерами за час могли многие. Где эти фотографии и записи? Две-три новых видеозаписи «появились в распоряжении СМИ» уже недели и месяцы спустя. Об этом почему-то никто не задумывается. Зато известно, что все непосредственные «очевидцы», которые в тот день предоставили свои материалы СМИ, были штатными сотрудниками ЦРУ. Даже укладка трупа на мосту в двух шагах от Кремля демонстрируется доверчивому народу именно с того ракурса, с которого ничего ровным счётом не видно, хотя камеры там на каждом столбе и не только.

– Евгений Иванович...

– Не спешите спорить, Оленька. Просто примите к сведению и пронаблюдайте за тем, что и как в ближайшие дни будут говорить. И поверьте мне: если главной станет версия падения чего-то заоблачного, скорее всего, всё как раз наоборот. Надеюсь, в том, что заминировать парижские катакомбы под Лувром или наши родные – под Красной площадью, а потом свалить всё на каких-нибудь марсиан, почти ничего не стоит, вы сомневаться не станете?

Вопрос, как и следовало ожидать, повис в воздухе.

Даша сосредоточенно тыкала ноготком в экран, но, в конце концов, вздохнула и отложила телефон.

– Дед, наверное, ты прав. Всё одно и то же. – Она с укоризной посмотрела на мать. – Кстати, а ты Мачу-Пикчу видел? Там сразу показали две записи туристов. В разном качестве и с разных точек. На плохой хорошо виден только момент взрыва. На второй, гораздо лучше, чётко виден падающий снаряд. Я сразу поняла, что это тарелка грохнулась.

– Раз показана тарелка, значит, тарелка, – кивнул Евгений Иванович. – Видеомонтаж нынче делать разучились, а лишние ролики из интернета не удаляют. Я ничего не перепутал?

Разговор оборвался. Даша видела, что дед хоть и не показывает, но задет за живое. Ей самой не нравилось, когда близкие люди в какой-то момент внезапно словно отключаются и перестают тебя понимать. А ты в своей правоте уверена, и тебе невольно становится жалко и их, и себя.

– Между прочим, когда мы в электричке ехали, над нами три треугольника, как самолёты, пролетели. Ты отсюда не видел?

– Ну, раз летели, как самолёты, значит, и летели самолёты. – Евгений Иванович машинально крутил чайной ложкой в стакане, хотя Даша не заметила, чтобы он клал туда сахар.

– Ага. Причём летели без звука, со скоростью молнии, и у всего вагона после них уши заложило.

– И что это, моя милая, доказывает? Что народу ещё почему-то не сообщили о том, что такая техника существует? «Есть многое на свете, друг Горацио»... Откуда это?

– «Гамлет», разумеется.

– С тех пор ничего не изменилось.

– Погоди. А про то, что мы видели с самолёта, когда в Вену летели, тебе отец не рассказывал. У меня ролик на телефоне есть. Показать?

– Покажи.

Очки дед не носил.

Они пересели на диван, и Евгений Иванович очень внимательно вглядывался в маленький экранчик, пока Даша дважды демонстрировала ему странное поведение облака. Насмотревшись, вернул телефон и откинулся на спинку.

– Что скажешь?

– Занятно.

– Я монтировать видео не умею. Так что это ровно то, что мы все втроём видели в иллюминаторе. И качество, согласись, не такое уж и плохое.

– Да, неплохое. Познавательно. Стоит подумать.

– Костя как раз сегодня эту запись к себе в институт возил, – напомнила о своём существовании Ольга. – Там тоже заинтересовались и будут изучать. Хотя, теперь, не знаю...

– Изучать в любом случае придётся, – заверил Евгений Иванович, вставая и подходя к окну, выходящему в сад. Выглянул, ничего подозрительного не увидел и вернулся к столу. – Чтобы когда-нибудь всё-таки победить.

– Кого?

– Последнюю карту глобалистов.

Глава 3 – Москва-Париж-Москва

Позвонив жене и убедившись, что в деревне всё спокойно, Константин измождено откинулся на подушку.

В комнату, сверкая мокрым после душа телом, вошла Вера, она же дочь знаменитого профессора Скрябина, она же – заведующая кафедрой генетики в их доблестном институте.

– Жене звонил? – Она присела на край постели и стала расчёсывать слипшиеся волосы, глядя на себя в зеркало трельяжа у противоположной стены.

– Дочери, – уточнил Константин, наблюдая, как по простыне из-под приятных форм Веры расходится тёмное влажное пятно. Но и простыня, и кровать, и зеркало принадлежали ей, так что возражения здесь были неуместны.

– А они не поймут, что ты не с домашнего звонил?

– Ты бы видела тот отцовский телефон! Там не то что определителя номера, там даже кнопок ещё нет. Пальцем надо диск крутить. Помнишь такие?

– Я даже помню, что предпочитала крутить их не пальцем, а карандашом.

– Ну, тогда ты знаешь, что опасаться нечего.

– А я и не опасюсь. – Она повернула к нему своё красивое лицо и посмотрела долгим взглядом изумрудных глаз. – Я изменяю мужу, который застрял в Париже, а ты – жене, которая в часе езды отсюда.

– В двух часах, – уточнил Константин, протягивая руку и задумчиво глядя холодное бедро собеседницы.

Муж, о котором так не вовремя упомянула Вера, тоже был сотрудником их института и, как водится в подобных случаях, находился в служебной командировке на закрытой международной конференции, посвящённой теме расовой генетики. Звали его Михаилом, а фамилию он носил такую, будто у него было сразу два отчества. Белорус, одним словом, как иногда шутила Вера, решившая, разумеется, свою девичью фамилию оставить в полной неприкосновенности.

– Почему ты никогда не вытираешься полотенцем?

– Иногда вытираюсь. Но мне так больше нравится. А тебе?

Он попытался её обнять, однако порыв был остановлен всё тем же взглядом и расчёской.

– Кофе поставить варить? – уточнила Вера примирительно, видя, что гость начинает кукситься.

– Может, сходим куда?.. Ещё не вечер.

– Ты думаешь, сегодня что-нибудь открыто?

– А кому какая разница?

Когда они через четверть часа заглянули в соседний двухэтажный ресторанчик под названием «Пикадилли», Константин даже удивился, насколько оказался прав. Тихая музыка, приветливый персонал, а главное – множество занятых респектабельными посетителями столиков. Очередная наглядная иллюстрация того, что Москва – это не только Красная площадь. А та – вовсе не её сердце. Вообще с некоторых пор у Константина возникли сомнения в том, что у Москвы сердце вообще есть. Вот желудок – это другое дело...

Люди вокруг сидели довольные жизнью, как всегда расслабленные и ничуть не напуганные. Не чета журналистам в ящике и интернетным блогерам, уже который час перемышавшим каждую деталь сегодняшних событий. Всё точно так же, как в достопамятном 93-м, когда где-то в центре города стреляли танки и целились в прохожих снайперы, а основная толпа узнавала о происходящем, придя с работы, за не слишком обильным ужином, у телевизора.

Константин, который никогда не мог похвастаться непробиваемым панцирем равнодушия, обвёл зал салфеткой:

– Тебе это не напоминает пир во время чумы?

Вера оторвалась от меню.

– Пир во время чумы – это, по-моему, наше перманентное состояние. Нас каждый день тихо грабят и убивают, а мы продолжаем делать вид, будто так и надо. Ты уже выбрал?

– А ты хочешь поужинать или мы только за десертом пришли?

– За десертом.

– Тогда да. – Он сделал знак сразу же ожившему официанту.

Они провели в ресторане меньше часа, сумерек так и не дождались и вышли на Ленинский проспект.

– Ко мне? – на всякий случай уточнила Вера, хотя едва ли была готова услышать отрицательный ответ.

– Если ты не против.

– Боишься столкнуться с «белорусом»? – Она взяла Константина под руку. – Он в своих парижках капитально застрял. Там, как водится, сразу все аэропорты позакрывали. Террористов ищут. А с его внешностью он легко за араба прокатит.

– Послушай, почему ты за него вышла, если так не любишь?

– А кто тебе сказал, что не люблю? Очень, может быть, даже люблю. Он замечательный. Отцу помогает моему. Деньгами снабжает. Гранты подкладывает. В науке не полный ноль. Уезжает опять же часто.

Обо всём этом Константин был прекрасно осведомлён. Михаил хотя и числился замом своей жены, «административным ресурсом» обладал почти сказочным. Нельзя сказать, чтобы без него институт не выжил бы или ощутил заметные проблемы, но наличие в его рядах такого ценного сотрудника позволяло смело смотреть в будущее. Откровенно недолюбливал Вериного мужа разве что генерал Петров, но делал он это вполне дипломатично и межнациональной розни не вызывал.

Когда подошли к дому, Константин придержал спутницу за локоть.

– Ты разве свет в квартире оставляла?

Он кивнул на окно пятого этажа. Между неплотно задёрнутыми шторами отчетливо проступали оранжевые полосы.

– Не помню. А ты?

– Подожди-ка. – Вера достала из сумочки телефон и прижала к уху. – Миша? Миша! Наконец-то дозвонилась! Ты как? Что? Ты где?.. Уже... Слава богу! Как тебе это удалось?.. Фантастика!.. Я скоро буду. – Она сунула телефон обратно и ошарашено посмотрела на замеревшего в ожидании Константина. – Он вернулся... Только что. Говорит, спецрейсом долетел. Ты у меня там что-нибудь оставлял?

– Омниа мэа мэкум порто⁹, – ответил Константин, на всякий случай похлопав себя по карманам. – Там только кровать разобранная и простыни мокрые остались...

– Это уж я как-нибудь в такой день объясню. Ладно, извини, что так получилось. Я побежала.

Она не предприняла ни малейшей попытки хотя бы поцеловаться на прощанье. Понимала, вероятно, что двор перед домом прекрасно просматривается из окна. Ушла второпях, не оглянувшись.

Константин на мгновение почувствовал себя всеми брошенным, но сразу же вспомнил о жене и дочери.

Собственно, инициатором этого свидания он и не являлся. Просто так получилось, как говорится. Они с Верой не общались близко вот уже больше месяца, утреннее заседание послужило напоминанием для обоих, однако позвонила и пригласила его в гости она. А он не смог

⁹ Всё своё ношу с собой (лат.)

отказаться, о чём даже сейчас не слишком жалел. Неприятно, конечно, когда тебе дают понять, что законный муж важнее, но ведь он примчался на зов всё ещё молодого тела не затем, чтобы разрушить какую-никакую, а всё же ячейку общества. Побаловались и хватит. Надо меру знать и домой пора.

* * *

– Как тебе это удалось? – с порога начала Вера, громко хлопая входной дверью и вешая сумочку на бронзовый крючок в прихожей. – Арендовал ковёр-самолёт?

– Есть вещи и получше твоего ковра, – отозвался невесёлый голос из кухни. – Вот если бы нам ещё завести скатерть-самобранку... Ты случайно не в магазин ходила? Холодильник пустой, как взгляд Цукерберга.

– А тебя что, в полёте не кормили?

Вера сбросила туфли и прошла первым делом в спальню. Критически оглядела обстановку. Посторонних следов не наблюдалось.

– Скажи спасибо, что живым добрался. Угощали виски, но я эту гадость люблю даже меньше своей тёщи. Ты где там?

Она послушно заглянула на кухню.

Михаил стоял перед распахнутым холодильником в чёрном костюме, белой рубашке и распушенном галстуке, который они вместе покупали в Гоа. Пиджак был расстёгнут, и объёмное брюшко всей массой лежало на кожаном ремне. В руках он держал баночку с 5-процентным творогом и ел из неё ложкой. Широкое лицо раскраснелось, очки съехали на кончик носа. Кроме запаха из холодильника, по кухне витал аромат японских духов.

Убедившись, что жена без пакетов, Михаил захлопнул дверцу и сел к столу.

– Париж в полной жопе.

– Догадываюсь.

– Этих идиотов только подтолкни – они как домино повалятся. Гниль, а не Европа.

– Как конференция?

– Да какая там конференция! Вчера весь вечер прожрали в «Рице», а сегодня на полуслове прервали, и все разбежались по углам. Это нашим до Красной площади никакого дела нет, а они вокруг своего Лувра ещё тот ор подняли. Осадное положение резко ввели. Когда в аэропорт мчались, видел танки и на Елисейских, и в каждом из примыкающих переулков.

– А на чём мчался, что тебя пропустили? – Вера машинально включила кофеварку.

– Да с нашими, с фээсбэшниками посольскими. И борт, сама понимаешь, особый дали. Иначе ещё неделю бы в этой заднице околачивался. Пешком бы добираться пришлось.

– Я всегда знала, что ты у меня крупная шишка. – Она поставила перед ним чашку с ароматным напитком и аппетитной пенкой.

«Крупная шишка» выпил кофе залпом, причмокнул и подобрел.

– Ну, а теперь, начальница, ты отчитывайся, как время без меня тут проводила.

Она наклонилась к нему через стол и ждала, пока он неловко расстёгивал пуговицы на её полупрозрачной рубашке.

* * *

Сумерки приближались и к вздрагивающему от страха Парижу.

Славка Хлебов сидел у приоткрытого окна в гостиничном номере и наблюдал, как хозяйка магазинчика на другой стороне улицы торопливо опускают железные жалюзи на входе. Жалюзи застряли, пожилой араб стал кому-то звонить, а его толстая жена в длинном платке продолжала тщетно дёргать за ручку и что-то подвывала.

Кроме них, на улице не было ни души.

Город жил где-то в стороне несмолкаемыми переключками сирен, криками и хлопками столь любимых черноголовой парижской детворой петард. Или не петард.

Славка матери так и не дозвонился. И это сейчас напрягало его больше всего. Беспольный планшет лежал на столике под включённым без звука телевизором. Картинки были всё те же, что и днём. Добавились разве что дымящиеся руины Кёльнского собора, расколотый, как белый грецкий орех, купол Тадж-Махала да куча бетонного мусора на месте одной из египетских пирамид. Были ещё какие-то кадры из Японии, однако там жажнуло так, что восстановить первоначальную картину места Славка не сумел.

Зато он сумел выйти в интернет через телефон. Мать интернет не признавала и не использовала, поэтому он догадался написать на почту нескольким знакомым, попросив их ей позвонить и передать, что у него всё в порядке. Теперь он ждал ответа. Знакомые молчали.

В Париже он очутился почти случайно. Фирма, на которой Славка последние два года трудился рядовым, хотя и перспективным программистом, в полном составе была приглашена на праздник, посвящённый дню рождения их основного работодателя – компании «Газнефть». Вечеринка по традиции проходила с размахом, со «звёздами» телевидения, с пышным застольем и с розыгрышем всевозможных призов по номерам приглашительных билетов. Славке, чуть было не ушедшему раньше времени домой, но остановленному благоухающими девушками (одной из которых он помогал с созданием личного сайта и у которой празднование, оказывается, совпало с собственным днём рождения), буквально затащившими его за свой столик, под самый конец гулянки досталась оплаченная поездка во Францию. Он хотел передать её имениннице, но та к тому времени уже куда-то уединилась со своим молодым человеком, на следующий день Славка закрутился на работе, одним словом, когда алкогольные пары выветрились, он пришёл к выводу, что никому ничего не должен и может с чистой совестью воспользоваться выпавшей на его долю удачей.

Как он и предполагал, удача оказалась сомнительной. Неделя в Париже за чужой счёт только сегодня перевалила за середину, а перспективы не то что второй раз сходить в Лувр, но хотя бы просто прогуляться по некогда знаменитой столице Европы были, мягко говоря, туманными. Ещё неизвестно, будут ли в день отъезда летать самолёты...

Включив экран телефона, он спохватился, что давно не перегружал экран просмотрщика почты. Ну, конечно! Заветная единичка во «входящих». Один из друзей ответил. Так, что пишет?

«Ответила по домашнему. У неё всё в порядке. Беспокоится за тебя. Попробуй набрать...». И дальше шёл номер их телефона, который Славка с трудом вспомнил, когда сам рассылал просьбу. Точнее, не вспомнил, а чудом откопал в перечне телефонных контактов. Блин, неужели они думают, что он не пробовал? И с двумя 0, и через +7, и как только ни нажимал. Ладно, главное, она теперь знает, что он жив-здоров. Уже легче.

С улицы раздался душераздирающий крик.

Это штамп, конечно. Штампов следует избегать, чтобы повествование получилось более живым и завораживающим читателя. Но бывают случаи, когда уже не до читателя и не до красоты языка. Особенно когда слышится настоящий крик, срывающийся на визг, и он буквально раздирает то, что не у многих ещё осталось – душу.

Славка приник щекой к тёплому после ушедшего за дома солнца стеклу.

Кричала толстуха в длинном платке.

Её муж лежал в странно вывернутой позе перед почти опущенной решёткой жалюзи, а чуть поодаль хорохорилось и било себя в грудь обеими руками существо, которое Славка никогда... хотя... что он плетёт... конечно, видел... и не только в страшном сне, но и на той злополучной записи в телефоне, который нашла где-то на Канарах его одноклассница... как же её звали... совсем голова не работает... Дашей её звали... но... то был видеоролик, он его

неплохо раскрутил в сети, хотя, судя по комментариями, мало кто поверил в то, что он – не очередная подделка шалунов... а теперь это уже и неважно, совсем не важно... потому что то четвероногое существо с торсом человека, кентавр, как называли ему подобных в древних мифах, сейчас стояло почти под окнами его гостиницы в центре Парижа и собиралось принести вторую жертву своей ярости.

Славка заметил, что вопль бедной женщины всё же оживил несколько квартир в доме напротив: зажёгся свет, раздёрнулись шторы, заплакал ребёнок, послышались отрывистые не то команды, не то молитвы явно не по-французски... конечно, по-арабски. Видимо, очнулась семья владельцев магазинчика.

Кентавр задрал гривастую голову и на мгновение замер, словно тоже прислушивался к переключке взлохотевших жильцов. Потом качнулся вперёд и под перестук копыт по мостовой налетел на арабуку. Славка отчётливо, как в замедленной съёмке (снова штамп, но что делать), видел размах правой руки чудовища, которая оканчивалась вовсе не пальцами, а не то ножом, не то клешней, одним словом, чем-то твёрдым и острым, что на раз снесло женщине голову вместе с криком, после чего волосатая грудь сшибла обезглавленное тело, копыта подмяли его, кентавр чуть не потерял равновесия, но выстоял, взмахнул гривой, оглядывая застывших в окнах и недостижимых для него людей, и разразился оглушительным торжествующим визгом.

С дальнего конца улицы празднично замерцали сине-красно-белые огни. Свет фар чиркнул по первому этажу и упёрся в бок кентавра, переключая его внимание с жильцов на себя. Взыла сирена. Вероятно, напрасно, поскольку чудовище не испугалось, а напротив, развернулось и без раскачки ринулось навстречу звуку. Грянуло несколько разрозненных хлопков, наверное, выстрелов. Славка не заметил, чтобы кентавр на сей раз споткнулся или притормозил. Видеть дальше мешало стекло, однако, судя по крикам, выстрелы ожидаемого результата не дали. На фоне сиротливо завывающей сирены был отчётливо слышен удаляющийся цокот копыт.

Славка выдохнул.

Тени в окнах дома напротив не шевелились.

* * *

– Константин Евгеньевич? – спросила трубка приятным, но слишком деловым женским голосом.

– Да.

– Минутку. С вами будут говорить.

– Я...

– Алло? Костя? Петров на проводе.

– Вечер добрый, Владимир Николаевич.

– Похоже, не слишком. Мог бы быть и получше. Ты, как я понимаю, дома?

– Только что зашёл. Что-то случилось? В смысле, ещё что-то серьёзное?

– Оставайся дома. Высылаем за тобой машину. Приедешь, обсудим.

Никаких шуток-прибауток. Вместо них – частые гудки. На Петрова это было непохоже. Точнее, непохоже на того Петрова, которого Константин знал по институтским заседаниям в мирное время. Но оно закончилось. Иссякли и шутки.

Константин растерянно осмотрелся. Вспомнил, что хотел заглянуть в холодильник и перед сном подкрепиться после долгого путешествия от Октябрьской, то есть Калужской площади.

Метро в связи с угрозой новых терактов, как характеризовали произошедшее с Красной площадью, закрыли полностью. Чтобы развести всю вывалившуюся на улицы прорву народу

никакого городского и частного транспорта, разумеется, хватить не могло. Люди шли пешком, мешая и без того хаотичному движению. Как ни странно, никто вслух не ругался, все были какие-то подавленные и молчаливые. Только отдельные компании малолеток кое-как пытались бравировать бесстрашием и пересмеиваться. Их не одёргивали, чувствуя, что в надвигающейся перспективе это временно.

Толпы неохотно расступались лишь тогда, когда оказывались на пути очередной «спартаковской» скорой помощи или угрожающе быстрого БТРа. Кто-то при их виде вспоминал Москву 1991 года. Константин тогда вернулся накануне, 18 августа, с Рижского взморья, где отдыхал с родителями, и всё происходящее воспринимал через экран телевизора. Поскольку он сразу по окончании МГУ устроился на одну из тогда ещё редких иностранных фирм, и телевизор в комнате для переговоров вещал не «Лебединое озеро», а ту картинку, которую видели зрители CNN и BBC, было ощущение, что это происходит не в нескольких километрах от тебя, а в плохо срежиссированном фильме. По сути, это и было первое виденное им реалити-шоу, причём, как потом оказалось, со своими режиссерами, сценаристами и продюсерами.

Сегодня картины города и ощущения были похожими, но то ли сказывался возраст, то ли общий эгрегор претерпел значительные изменения, однако в толпе Константин явственно почувствовал, что это не дурной сон, не съёмки массовых сцен, а новая реальность, с которой теперь придётся считаться всем и каждому. Гибель Красной площади – всего лишь один из её первых символов. Это лишь начало. И звонок Петрова оказался худшим тому подтверждением.

За окном неотвратимо смеркалось. К счастью, отключить на всякий случай электричество ещё не додумались.

Константин наскоро переложил в рот содержимое пока что свежей пачки творога, залил ситечко с утренним чаем кипятком и собирался включить телевизор, когда в домофон позвонили. Они что, всё это время сидели в соседней подворотне?

– Константин Евгеньевич, спускайтесь.

– Да, сейчас.

Хорош бы он был, если бы уехал в деревню вместе с семейством! Уже спят, наверное. Отец не любит засиживаться допоздна. Едва ли он изменил своим привычкам даже в такой день.

За решеткой забора дежурил знакомый костюм. Новый помощник Пичугина, внешне гораздо больше годящийся в телохранители. Кем он, вероятно, и был. Правда, сейчас, ввиду отсутствия собственно «тела», он позволил себе расслабиться и встретил Константина, как тому показалось, даже несколько вальяжно. А самым неприятным было то, что Константин до сих пор не знал его имени.

Шофёр включил мотор чёрной приплюснутой капли, похожей на кучу подобных ей современных собратьев, отличающихся разве что техническими характеристиками и заоблачностью цен, но не внешней формой, которую, скорее всего, штамповали на одном и том же заводе где-нибудь под Шанхаем.

Константин занял всё заднее сидение, «костюм» устроился впереди рядом с шофёром и всю дорогу только и делал, что крутил головой да проверял экран телефона. Зато шофёр несколько раз обратился к нему, после чего стало понятно, что свои зовут «костюм» Максом. Себя Константин к разряду «своих» относил с трудом, поэтому продолжал воздерживаться от разговоров, на которых никто из присутствующих, к счастью, не настаивал.

Дорога до института, надёжно спрятанного в закоулках дворику вдовль Ленинградского шоссе, заняла не более полчаса. Своё дело сделала пузатая мигалка на крыше, да и пешеходов к ночи поубавилось настолько, что им теперь снова хватало тротуаров.

Серое неприметное здание с плоским карнизом над подъездом, какие любили строить скучные советские архитекторы-минималисты, сегодня выглядело на удивление празднично

и оживлённо. Чуть ли не во всех окнах горел свет. Парковка, обычно полупустая, была заставлена одинаковыми чёрными «каплями» с ведомственными номерами.

– Куда? – поинтересовался Константин, выходя из кожного тепла салона.

– Я вас провожу, – ответил Макс, хозяйски хлопая дверцей. – Мы и так припозднились.

Неужели он думал, что Константин заплутает в коридорах, если ему просто сказать, где его ждут? Однако, выяснять тайные умыслы провожатого смысла не было. Такие привыкли чётко делать то, что им говорят, и не самовольничать понапрасну.

Дежурный в стеклянном закутке на первом этаже охранник был сегодня не один. Вместо того чтобы просто показать ему пропуск и приятельски кивнуть, Константину пришлось вручать корочку стоявшему здесь же боевому офицеру в камуфляже и с последней модернизацией «калаша» через плечо. Отчаянные времена – отчаянные меры, что поделать.

– Проходите. – Офицер вернул документ и покосился на Макса. – Ваш?

– Я только что выходил, – предпринял тот попытку возмутиться, но наткнулся на твёрдый взгляд и полез во внутренний карман пиджака. – Вот, держите.

Константин отошёл от проходной, дождался покрасневшего от возмущения провожатого и поделился возникшими сомнениями:

– Вам не показалось, что товарищ говорит с некоторым акцентом?

Макс брезгливо оглянулся через плечо, которым в следующее мгновение пожал, заметив:

– Форма у него тоже не слишком наша, скорее уж натовская...

Константин обратил внимание на то, что дежурный за стеклом как-то уж больно тоскливо смотрит им вслед.

– Помнится, ещё в 2007 году президентом был подписан закон о введении войск НАТО на нашу территорию в случае народных волнений и техногенных катастроф, – сказал он, пока они ждали лифта.

– Было дело. – Макс порылся языком в зубах и причмокнул. – Правда, тогда эту тему заобсуждали, закомментировали и, говорят, даже умудрились принять несколько законов под тем же номером, чтобы вопрос замять окончательно. Видать, теперь пришло время. Скоро даже матом придётся ругаться по-английски.

– У них мата нет.

– А как же «фак»? – искренне удивился Макс.

– А разве можно отнести к мату слово, которое звучит из телевизора и которое дети запросто произносят при родителях, а те – при детях?

– Прикольно.

Они замолчали, потому что за открывшимися дверцами лифта обнаружилась точная копия офицера с проходной. Выходить копия не собиралась и молчала.

– Вверх? – на всякий случай уточнил Макс, продолжавший играть роль Вергилия из «Божественной комедии».

Офицер отделался едва заметным кивком.

Этот, вероятно, вообще по-русски не понимает, подумал Константин, водя пальцем над кнопками этажей.

– Пятый, – подсказал Макс.

Когда кабина замерла и снова открылась, его «приехали» прозвучало вполне в духе Салтыкова-Щедрина.

Длинный коридор вёл в конференц-зал, где всего несколько часов назад Константин докладывал на тему «облачного» НЛЮ. Однако Макс, не доходя до высоких, отделанных под дуб дверей, свернул в коридор направо, туда, где располагались кабинеты руководства.

Коридоры были пусты, шаги по выложенному ёлочкой паркету звучали гулко.

– У Пичугина? – Константин на ходу пригладил волосы.

– У Скрыбина.

Профессор Скрябин был директором института. Хотя все сотрудники прекрасно знали, что руководит их полузакрытым заведением всесильный заместитель, поскольку оторвать профессора от науки не смогли ни правительственные награды, ни преклонный возраст, ни недавняя смерть жены, матери Веры. Порой у особо приближенных коллег создавалось ощущение, что Арсений Степанович не совсем хорошо понимает, к какому ведомству относится доверенное ему учреждение, настолько с головой он уходил в теоретическое обоснование собственных концепций, надо сказать, весьма актуальных и отчасти даже прорывных, не обращая внимания на сугубо утилитарные требования вышестоящих инстанций. Главной из них было Министерство обороны. Оборона – вещь тонкая и деньгоёмкая, так что далеко не всем в институте было дело до науки. Зато Андрею Дмитриевичу Пичугину было дело до всего. Он считал, и не безпочвенно, что может замещать своего непосредственного начальника на всех полях деятельности, главным из которых, разумеется, считал военное. На то он и генерал, чтобы генеральствовать на благо родине и... хотя нет, партия уже неактуальна.

То, что нынешнее собрание проводится у Скрябина, не говорило ни о чём, кроме того, что помещение и количество прослушивающих устройств на квадратный метр будет чуть больше, нежели в ведомстве Пичугина.

Макс первым открыл нужную дверь, заглянул внутрь, кому-то кивнул и пропустил Константина вперёд. И закрыл дверь, оставшись снаружи.

Внешне кабинет Скрябина был миниатюрной копией читального зала Ленинки. Разве что дерево длинного стола и высоких книжных шкафов выглядело посolidнее, кресла – поудобнее, а на картинах, развешенных в узких промежутках между шкафами, отсвечивали высокими лбами деятели не литературы, а физики, математики, химики и почему-то Фидель Кастро.

Арсений Степанович по привычке сидел не на положенном ему месте во главе стола, а среди собравшихся.

– Константин Евгеньевич, заходите, – нетерпеливо замахал он рукой, заведя гостя. – Мы тут как раз про вас говорили.

Под местоимением «мы», кроме Скрябина, подразумевались: Пичугин; Петров, он же начальник отдела безопасности; Николай Николаевич Озеров, похожий на своего знаменитого полного тезку как луна на солнце и занимавший должность второго зама – по хозяйственной части; Дамир Абашев, заведующий лабораторией стратегических разработок; а также нечто вроде научного секретаря, выполнявшего много не слишком научных функций и считавшегося за глаза «куратором сверху», Франциск Аркадьевич Иванов, которого за седину ещё называли «тёмной личностью со светлой головой».

Шестерых присутствующих Константин узнал с порога, однако за столом сидело семеро. Седьмым оказался гладко выбритый моложавый незнакомец, положительно отличавшийся тем, что единственный, если не считать самого Константина, кто осмелился явиться на встречу не при галстукe, а в обычной тёмно-зелёной кофте без горла, надетой, судя по отсутствию воротника, прямо на майку.

Свободных кресел оставалось два: хозяйское во главе стола и рядом с незнакомцем. Делать было нечего, пришлось занять последнее.

– Витаутас, позвольте вас познакомить, наш старший научный сотрудник, Константин Евгеньевич Александров, – представил новоприбывшего Скрябин и посчитал, что этого достаточно.

– Витаутас, – не вставая, пожал протянутую руку по-прежнему незнакомец.

– Очень приятно, – дежурно среагировал Константин.

– Вы случайно не сын Евгения Александрова? Евгения Ивановича, я имею в виду. Легенды СВР¹⁰.

¹⁰ Служба внешней разведки

– Скорее ПГУ¹¹, – растерявшись от неожиданности вопроса, поправил Константин. Сгладить возникшую неловкость взял на себя Петров.

– Витаутас Лейтис представляет Генштаб. Собственно, он и стал инициатором нашей экстренной встречи. Прошу любить и жаловать.

Прямо снова многонациональный Союз, подумалось Константину. И татары, и литовцы, и прочие богоизбранные товарищи. Неужели всё настолько серьёзно?

Оказалось, что даже больше, чем он себе мог вообразить.

Витаутас пожаловал в институт не с пустыми руками. Не дожидаясь Константина, он со своего тонкого и широкоэкранного ноутбука уже несколько минут показывал собравшимся последствия случившегося сегодня на Красной площади. Само случившееся он называл не иначе как «атака», чем продемонстрировал свою осведомлённость в англоязычной терминологии, молча решили те, кто эту терминологию тоже знали.

Вообще-то в данном случае он был не далёк от истины.

Константин удостоился чести лично просмотреть уже виденную всеми присутствующими запись с одной из камер наружного наблюдения. Узкий угол обзора позволил зафиксировать лишь последние доли секунды перед взрывом, однако натренированная рука Витаутаса сумела остановить кадр так, чтобы из-за верхнего края экрана высунулось продолговатое остриё предмета, который в следующее мгновение таранил булыжную кладку, взметая фонтан каменных брызг. Исходя из сопоставления с куполами собора Василия Блаженного, которое это остриё на своём пути срезало, предмет был огромным.

– Мы предполагаем, что длина падающего тела составляла порядка ста двадцати, ста сорока метров. Скорость в момент контакта с землёй была относительно небольшой: порядка четверти километра в секунду.

– Да уж, до первой космической далековато, – вставил своё веское слово Петров.

Константин прикинул в уме, что речь идёт о девятистах километрах в час, что совпадает со скоростью пассажирского самолёта. Вывод напрашивался сам собой. Однако Скрябин оказался проворнее:

– Из этого следует, что свободное падение здесь не имело места. Объект был управляем, возможно, пилотируем, так?

– Налицо торможение, – указывая на застывший экран карандашом, ответил за штабиста Абашев. – Сколько, вы сказали, эта штука могла весить?

– Честно говоря, я вообще-то надеялся получить эти и другие данные от вас, – глядя не на собеседника, а на Константина, отозвался Витаутас. – Наши спецы предварительно оценивают вес равным двум с половиной тысячам тонн.

– Десяток наших «Булав», – присвистнул Петров.

– Типун вам на язык, – отмахнулся Озеров.

Витаутас между тем продолжал, перелистывая на экране фотографии, сделанные явно с крыши ГУМа, причём хорошей техникой:

– Ядерной начинки в объекте не было. Радиация в секторе повышена, однако, в разумных пределах – порядка двух микрозиверт в час.

– Поздравляю! Теперь мы все – сотрудники атомной электростанции, – забарабанил по столу своими длинными почти паучьими пальцами Озеров.

Константина больше заинтересовала торчащая из-под земли конструкция. Словно гигантское веретено высотой с кремлёвскую башню, только скошенное под девяносто градусов в сторону собора. Веретено на снимках блестело, но не как металл автомобиля, а скорее как пластик.

– Это железо?

¹¹ Первое главное управление КГБ, преемницей которого в 1991 стала СВР

– Судите сами.

Не успели слушатели осознать, что происходит, как Витаутас водрузил на стол прятанный до сих пор под креслом чемоданчик, открыл его и как ни в чём не бывало достал прозрачный пакетик с куском чего-то синеватого внутри.

– Этот кусок обшивки я передаю вам для анализов, – сообщил он притихшей аудитории.

На худом лице Озерова отразился ужас. Профессор Скрябин, напротив, привстал, торопливо надевая очки, что понималось знатоками как жест, выражающий крайнее волнение и интерес. Петров и Пичугин застыли. Константин оказался заложником своего кресла и потому взирал на содержимое пакета с невозмутимостью Печорина.

– Материал весьма лёгкий и прочный, – продолжал Витаутас. – Возможно, наша предварительная оценка веса объекта не верна в корне. Проанализируйте. – Он положил оригинальный вещдок на стол. – Вопросы?

– Мне это кажется или ракурс такой, – сразу же взял слово Пичугин, – но объект не круглый, как торпеда, а приплюснутый?

– Совершенно верно.

Витаутас пролистал фотографии вперёд и остановился на одной, сделанной с земли, со стороны Исторического музея. На ней было чётко видно, что форма снаряда напоминает воткнутый в землю каменный наконечник доисторической стрелы. Схожесть усиливали избороздившие корпус складки обшивки, вызванные ударом. Так выглядели куски кремня, которые в детстве Константин любил собирать с друзьями во дворе.

– На первый взгляд, это обычный боропластик, – сказал Скрябин, и только сейчас все заметили, что пакет уже пуст, а профессор крутит его содержимое в руках. – Правда, мы привыкли видеть его в виде мононити, но кто знает, какие фокусы сегодня можно проделать с помощью нанотехнологий? Масштабного производства никогда не было в силу дороговизны наполнителя. В 80-е, помнится, в мире производилось не более ста тонн в год. Думаю, даже визуальный микроскопный анализ покажет, прав я или нет.

– То есть, – встрепнулся Витаутас, – если я правильно понимаю, вы предполагаете вполне земное происхождение этого материала?

– Разумеется. Совершенно искусственное и совершенно земное. Я вас чем-то удивил, милейший? Может быть, вы думаете, я стал бы брать в руки предмет, только что прилетевший из космоса, где радиации хватит на миллиард Чернобылей? Если бы он прилетел оттуда, нас вами, скорее всего, уже бы не было. Но вы его привезли и живы. Не боюсь и я.

Штабист осёкся. Ему на помощь неожиданно пришёл Франциск Аркадьевич.

– По ящику уже давно говорят о попытке внеземного вторжения.

– Ничего себе «попытка»! – рассмеялся Петров.

– У Генштаба есть мнение, откуда к нам мог залететь этот снаряд? – сохраняя серьёзность, спросил Пичугин.

– Судя по траектории... – начал Витаутас.

– Погодите с траекторией! – прервал его Константин. – Вы в интернете ролики видели?

– Опять ваши ролики? – резко повернулся к нему Пичугин. – Скоро вы на роликах ездить будете.

– Андрей Дмитриевич, – не веря в свою смелость, повысил голос Константин. – Интернет цээрушники изобретали для распространения и сбора как ложной, так и правдивой информации. Вы это лучше меня знаете. Пока он не утратил стихийности наполнения, в нём можно отыскать и зёрна истины. Так вот, это я к тому, что вы можете найти запись взрыва перуанского Мачу-Пикчу. Там точно такого же плана «снаряд», как вы выразились, упал. И вы знаете, как это было? Кому-то удалось заснять, как он на подлёте притормозил, заложил вираж и только потом врезался в скалу. Какая, скажите на милость, у него была траектория? Откуда его запустили, если это была просто боевая ракета? Зачем снаряду тормозить перед контактом с целью?

Учёные и военные мужи переглянулись.

– Ваш старший сотрудник по-своему совершенно прав. – Витаутас отряхнул с груди невидимые пылинки. – Ситуация чрезвычайная, и распутать её обычными, пусть даже сугубо научными методами мы едва ли сможем. Пока мы сейчас тут совещаемся в рамках нашей компетенции, происходят обсуждения на гораздо более высоком уровне и гораздо масштабнее.

– Вопрос глобальный, это точно, – подтвердил Франциск Аркадьевич.

– Поэтому действовать, я считаю, мы должны оперативно и по всем возможным направлениям. Даже если придёт информация, что на воздух взлетела статуя Свободы или Стена Плача, мы не можем сбрасывать со счетов вероятность отвлекающего манёвра со стороны наших потенциальных противников. Они, как мы знаем, горазды отдавать на заклятие часть своих, чтобы добиться более значимых целей. Не мне вам рассказывать. Замечание Константина Евгеньевича навело меня на мысль поручить ему параллельный анализ, скажем так, независимых источников информации, в то время как вы, Арсений Степанович, и ваши люди пусть подготовят максимально точные данные по этому вещдоку.

– Мы это сделаем, – ответил за всех Пичугин, переглядываясь с Петровым. – Однако я бы попросил ваше ведомство в свою очередь поддерживать нас оперативными сведениями.

– Нам также нужно незамедлительно решить вопрос пересмотра бюджета на последний квартал, – оживился Озеров.

– Николай Николаевич, это в рабочем режиме, – метнул на него строгий взгляд Пичугин. Запиликал чей-то телефон.

– Прошу прощения. – Витаутас выхватил из-под себя серебристый прямоугольник и прижал к уху. – Слушаю. Да. Где? Понял. Хорошо. – Он бросил телефон на стол и забегал пальцами по клавишам ноутбука. – Как раз новая вводная. Арсений Степанович, у вас тут интернет хорошо ловится?

– Понятия не имею.

– А-а, вот, вижу, есть контакт! Господа, кто знает, как правильно по-французски написать «кентавр»?..

* * *

Впоследствии Славка Хлебов вспоминал события той первой парижской ночи со смешанным чувством ужаса и восторга. Такого в жизни просто не бывает. Это даже не фантастика. Даже не фэнтези. Это просто чума!

При этом, как ни странно, он имел в виду вовсе не страшный эпизод с визгливым четвероногим существом, а то, что последовало дальше, примерно через час.

К этому времени он уже не сидел у окна, а лежал на кровати, не раздеваясь, и пялился в экран телевизора, где в живом эфире «Евроныюз» шёл репортаж настоящей охоты на неведомых чудовищ. Из штаб-квартиры в Лионе в Париж было переброшено сразу несколько бригад операторов. Комментарий, как водится, шёл из-за кадра. Причём, похоже, оригинальным был именно английский, чтобы за происходящим могла следить наибольшая европейская аудитория.

Кентавров оказалось не меньше пяти. Двух зрителям показали уже тогда, когда закованные в чёрные бронежилеты воины в круглых касках превратили их автоматными очередями в окровавленные куски мяса.

Самая захватывающая погоня была на Елисейских полях, когда в память аудитории должна была врезаться финальная картина с Триумфальной аркой и стоящей в ней под лучами прожекторов дикой фигурой с запрокинутой в крике мордой и красными от крови прохожих клешнями. Перед тем, как трассирующие пули ударили в одну точку, комментатор даже умуд-

рился пошутить, мол, сегодня защитники окружающей среды и диких животных едва ли будут возражать против такой расправы.

Эффектнее этой сцены было только её продолжение, когда в тыл местным спецназовцам с флангов врезались выскочившие из тёмных переулков ещё два кентавра и с невероятным проворством стали мстить за товарищей. Один из операторов оказался в самой гуще расправы и успел заснять, как застигнутые врасплох автоматчики, вместо того, чтобы дисциплинированно развернуться и отстреливаться, бросились врассыпную. Многие при этом потеряли головы, причём в буквальном смысле, поскольку острые клешни работали весьма целенаправленно, а наиболее уязвимыми местами бронированных людей, как водится, оказались шеи. В итоге картинка на экране резко переключилась на общий план с зависшего над Площадью Звезды вертолёт, а комментатор после паузы сообщил, что связь с предыдущим оператором потеряна. Вероятно, родственники последнего в этот момент попадали в обморок.

Потом была погоня за оставшимися монстрами, которым удалось скрыться так же внезапно, как и появиться. Вертолёты пытались помочь с воздуха, шаря по домам прожекторами, однако явно не слишком удачно, потому что режиссёру приходилось то и дело переключаться на наземные камеры, перед объективами которых прыгали и мельтешили парижские потёмки, цель, судя по крикам преследователей, была где-то впереди и никакими вертолётами не подсвеченная.

Тем временем по нижнему краю экрана пустили бегущую строку, куда сваливались подряд сообщения от очевидцев в соцсетях. Видимо, руководители трансляции хотели тем самым оперативно информировать парижан о том, где были замечены вспышки насилия, и хоть как-то упредить рост жертв, но лишь внесли этим дополнительную панику, поскольку бедным людям ужасы мерещились уже повсюду. Создалось впечатление, что нападавших не два, а раз в сорок больше. Посыпались сообщения из соседних с Парижем городков. То и дело в сообщениях мелькало французское сочетание *extra-terrestre*, в котором безошибочно угадывались инопланетяне. В связи кровавых кентавров с падением крупного летающего объекта на Лувр (эта информация уже была подтверждена официально) никто больше не сомневался.

А потом в судьбе Славки произошло то самое, настоящее чудо...

В дверь номера постучали. Коротко, но настойчиво.

– Месьё Клебоф? – спросил писклявый голос в коридоре.

Он бросил взгляд на часы. Почти полночь. Подумал сперва сделать вид, что спит и не слышит. Но стук повторился.

– Месьё Клебоф? Этэ ву ля¹²?

– Вуля, вуля...

Он встал и уже вышел в крохотный закуток предбанника, когда ручка сама дёрнулась вниз, и дверь открылась. Несмотря на то, что свой ключ Славка по привычке оставил в замке. Негритенок с ресепшн отступил назад, а мимо него в номер решительно вошли двое. Вошли и остановились. Оба невысокие, коротко стриженные, в одинаковых костюмах мышиного цвета и серых галстуках. Оба смахивали на арабов или, точнее, на хорошо загоревших европейцев, поскольку две пары глаз, застывших на удивлённом Славике, даже в тусклом свете ночника были безошибочно голубыми. И холодными.

Славка вопросительно шмыгнул носом. Запаха серы не ощутил. Скорее, консервативный запах одеколона вроде «Фаренгейта».

– Кэн ай хэлп ю¹³? – машинально спросил он.

– Мистер Хлебников? – без малейшего акцента уточнил тот, что выглядел постарше.

– Йес... да. Только не Хлебников, а Хлебов.

¹² Вы там? (фр.)

¹³ Я могу вам помочь? (англ.)

– Мы за вами. Собирайтесь. – Нет, акцент, конечно, слышался, но ровно настолько, чтобы дать понять, мол, мы здешние, не из России, приятель.

– Я что-то сделал? – уточнил Славка, не двигаясь с места. – Вы из полиции?

– У полиции сейчас другие дела. С вашего позволения. – Собеседник мягко отстранил Славку и вошёл в комнату. – Вещи собирать времени нет. Мы вас одолжим ненадолго. Тут недалеко.

О, это успокаивает! Оказывается, они решили его «одолжить». Французской жандармерии только не хватает. Старый фильм с Луи де Фюнесом, кажется, так и назывался – «Жандарм и инопланетяне». Экстра-тэррестры, блин...

Привычка к воле заставила Славика совладать с первой оторопью, и он, придав своему голосу почти будничное звучание, поинтересовался:

– И чем же я могу быть вам полезен?

– Вам расскажут на месте, – отозвался второй из гостей, говоривший на хорошем английском. – Если вы готовы, идёте.

И лишь когда оба поняли, что хозяин номера вовсе не из тех, кто готов просто так подчиняться чужой воле, даже если оказывается в меньшинстве, старший добавил:

– Не бойтесь, мистер Хлебов. Это касается вашего сайта.

– Сайта?

У Славика водилось несколько сайтов, но он почему-то сразу понял, какой именно имеет в виду голубоглазый незнакомец. Не сайт, а ютьюбовский канал. С видео. Но зачем?..

Гости выжидательно смотрели на него и хранили молчание.

Сказать, что типы они были подозрительные – ничего не сказать. Только что он выиграет, если сейчас взбрыкнёт и по примеру буржуйских фильмов потребует, например, адвоката? Зачем, если он знает наверняка, что ничего предосудительного не совершил? Да и они ему ничего предосудительного в вину не ставят. Просто хотят поговорить. Вернее, отвезти куда-то, где с ним хотят поговорить.

На память откуда ни возьмись пришёл старый американский документальный сериал о полунищем сельском парне по имени Стивен Эйвери, который ещё в конце 80-х годов сперва имел неосторожность попасть под подозрение в изнасиловании одной приезжей гражданочки, отсидел почти 18 лет в тюрьме, потом был выпущен и оправдан благодаря новому методу выявления преступников через анализ ДНК, решил подать ответный иск на тех, кто его, невиновного, засадил, вот-вот должен был выиграть у правоохранительной системы США порядка 36 миллионов долларов, по 2 за год отсидки, ибо вскрылись жутчайшие процессуальные нарушения – всех, кто упёк его тогда за решётку должны были самих привлечь к суду, и тут, бац, как гроза среди ясного неба пропадает девушка-фотограф, с которой Стивен накануне её исчезновения общался, поскольку она попросила разрешения сделать фотографию одного из его автомобилей, которых у него было в большом количестве по той простой причине, что он участвовал в семейном бизнесе – уничтожении и свалке подержанных машин. Девушку стали искать и, разумеется, нашли: сперва её таратайку среди остального металлолома. Дальше начался настоящий фарс. Местная полиция устроила шмон по всему хозяйству семейства Эйвери. Отца, мать и прочих родственников на время обыска выгнали из домов. В шмоне принимали участие те люди, против которых Стивен выступал с иском и которые по закону не имели права этого делать. Но они не только это сделали, но и самолично нашли неопровержимые доказательства его причастности к исчезновению барышни: ключи от её машины на полу возле его тумбочки (где при предварительном осмотре до обнаружения автомобиля никто ничего не видел) и его кровь на приборной панели её машины. Вскоре нашли и почти сгоревшие останки бедной жертвы, конечно, чуть ли не под окнами у трейлера Стивена. Всё было шито белыми нитками, и хотя Стивена заковали в кандалы и посадили в тюрьму до слушаний суда, многим было понятно, что при хороших адвокатах маятник правосудия может и должен качнуться обратно –

в сторону обвинения. И вот тут происходит невероятное: 16-летний племянник Стивена признаётся в том, что видел, как дядя приковал жертву к своей кровати, потом велел ему перерезать девушке горло, они оба вытащили её на улицу, дядя для пущей надёжности выстрелил ей в голову и в живот, после чего они дружно тело сожгли. Публика в шоке. Правда, в сериале, который, кажись, назывался *Making A Murderer*, то бишь «Создание убийцы», показали фрагменты записи допроса этого глупого паренька. Оказывается, вопреки существующим нормам, двое следователей забрали его прямо из школьного автобуса, не поставив в известность мать и не пригласив адвоката, привели в какую-то комнату, усадили на диван, всё корректно и даже дружелюбно, дали выпить воды из бутылки, стали разговаривать и в процессе беседы вскрыли все вышеописанные подробности. Вот только, как выяснилось, ничего этого он сам не говорил. Тормозя на ровном месте, парень просто неохотно соглашался с тем, что ему предлагали следователи в форме вопросов. Либо действовало зелье, явно подмешенное в бутылку, либо товарищи обладали навыками НЛП, но в итоге, парень так ничего и не понял. Помычав утвердительно в ответ на их предположения и тем самым подписав себе пожизненный срок, он очнулся, посмотрел на часы и спросил, сколько его ещё будут держать, потому что ему нужно успеть к завтрашнему дню написать сочинение. Только тогда ему популярно объяснили, что от школы он себя освободил минимум лет на 20. Потом была показана запись его встречи в той же комнате с наконец-то вызванной матерью. На её отчаянный вопрос «Ты и вправду это сделал?!», он ответил «Пожалуй, нет», а на крик «Ну тогда зачем же ты на себя наговорил?», сказал: «Они что-то сделали с моей головой...». Американская фемида всё это прекрасно видела, но ничего, разумеется, предпринимать не стала, так что оба, вероятно, сидят за решёткой по сей день...

Оказаться на их месте Славке сейчас хотелось даже меньше, чем оставаться в Париже. Напряжение снова разрядил старший, обведя комнату грустным взглядом и обронив красноречивую фразу:

– Вещи можете оставить. Мы ненадолго.

И сказал он это как-то так спокойно и буднично, что ему захотелось поверить.

Славка собрался с мыслями, сообразил, что после возвращения из Лувра был так поглощён случившимся, что до сих пор не побеспокоился переодеться в «домашнее», а потому для выхода на улицу ему достаточно надеть запylённые ботинки. Видок, конечно, не ахти, но вообще-то он ехал во Францию отдыхать, а не по гостям ходить, так что сойдёт, успокоил он себя, бросив взгляд на узкое зеркало рядом с вешалкой.

– Жё сюи прэ¹⁴, – вспомнилась ему фраза из разговорника.

Провожатые даже как будто улыбнулись. Неужели они тоже волновались, согласится ли он отправиться с ними или нет?..

Перед входом в гостиницу их ждал старенький, но по-прежнему внушающий уважение тёмно-синий Майбах, снятый с производства, если Славке не изменяла память, ещё в 2012 году. Но марка есть марка. Строгость линий, лаконизм форм и всё такое прочее.

Негритёнка на месте не оказалась, и стойка выглядела покинутой и грустной. Беззвучно работал телевизор.

Улица, точнее переулок, был тем самым, в котором на глазах Славки произошло двойное убийство. Поражало полное отсутствие ожидаемого ажиотажа вокруг. Жёлтые перемигивания огней впереди, которые он сперва принял за полицию, оказались неизвестно как и зачем оказавшейся здесь пожарной машиной. Он был готов поклясться, что видит до сих пор не убранные с проезжей части трупы. Где все? Что вообще происходит?!

Он чуть было снова ни запаниковал, однако старший из проводящих уже распахнул перед ним мягкую дверцу, приглашая садиться внутрь, а второй по-хозяйски занял место водителя. Славка торопливо нырнул в приятно пахнущий кожей салон... и оказался соседом милovid-

¹⁴ Я готов (фр.)

ной девушки. Девушка была в таком же строгом костюме, как и её коллеги, но в отличие от них смотрела на него приветливо и, как ему показалось, озорно. На плотно сжатых коленках, обтянутых твидовой юбкой, стоял маленький металлический чемоданчик.

Дверь сзади захлопнулась, и стало совсем тихо.

Выяснилось, что оба незнакомца будут сидеть впереди, предоставив Славке – или девушке – полную свободу сзади.

– Откройте рот, – было первое, что сказала новая спутница.

Сказала она это по-английски и громко щёлкнула замочками на чемоданчике. Внутри оказались какие-то стеклянные палочки, мензурки и всякая врачебная мелочь.

Славка рот послушно открыл, правда, как ему самому показалось в тот момент, скорее от удивления.

Девушка с нескрываемым интересом покосилась на его язык, достала нечто напоминающее большую зубочистку с ватным тампоном на конце и ловким движением сунула Славке за щёку.

– Не переживайте, больно не будет, – предупредила она задним числом, и Славка увидел, какие у неё тонкие и красивые пальчики.

Пальчики в своё удовольствие покрутили зубочистку, причём тампон оказался на поверку чересчур жестким и неприятным, потом девушка сказала «Готово», и содержимое ваты ухнуло в одну из пробирок, а та – обратно в чемоданчик. Крышка которого захлопнулась так же мягко, как дверь.

Майбах уже скользил вдоль залитых жёлтым светом первых этажей домов. Славка умел быстро и хорошо ориентироваться даже в едва знакомых городах, однако странное поведение соседки настолько его отвлекло, что сейчас он силился понять, где именно они находятся, и не мог. Всюду полиция, скорые, такси, бегущие люди, несколько военных машин, солдаты в камуфляже.

– Вы у меня анализ взяли? – решил уточнить он, чтобы не произвести впечатления испуганного буки.

Девушка была явно ненамного его старше, хорошенькая и улыбчивая. Что сейчас выглядело ещё более странным, нежели молчаливая напряжённость её спутников. А может быть, у неё просто не осталось ни одного родственника, и ей не о ком переживать. Все умерли, сдав анализ, мысленно пошутил Славка, хотя смешного было мало.

– Проверка ДНК, – пояснила девушка, нежно поглаживая чемоданчик. – Пока доедем, анализ будет готов.

– Мы две недели ехать будем?

– Что? – не поняла она, но потом сообразила, о чём он, и весело запрокинулась, показав красивые маленькие ноздри. – Нет, ещё минут десять.

За десять минут анализы ДНК не делаются. Это Славка знал точно. Но спорить не стал. Потому что сейчас он просто отказывался чему бы то ни было удивляться.

Девушка ошиблась. Вся поездка заняла гораздо меньше десяти минут. Подозрения Славки подтвердились, когда, снова выйдя на прохладную после Майбаха улицу, он увидел, что стоит возле уходящей в бесконечность стены дома, а на углу здания напротив голубенькая табличка сообщает, что он находится на Рю дё Валуа. Цифра 6 наверху выдавала номер дома.

Бесконечной стеной, таким образом, был «королевский дворец», то есть Пале-Рояль, построенный, как известно, вовсе не для королевских особ, а для кардиналов – сперва тут обитал знаменитый Ришельё, именем которого названа параллельная улица по другую сторону, а потом – Мазарини. Между ними, кажется, несколько лет здесь жила Анна Австрийская, но правы те, кто называют дворец «кардинальским».

Уж не в театр ли Комеди Франсез его, случаем, привезли? Хотя, нет, вход в театр за углом и ещё раз за углом. Значит, в какое-нибудь из министерств, которые где-то здесь неплохо обос-

новались. Но не в Государственный же совет! Тогда уж, скорее, в министерство культуры: если речь и в самом деле идёт о его безобидном сайте с видео.

Видео, видео... Блин, ну он вообще даёт! Конечно, видео! Теперь всё становится на свои места. Его не хотят посадить в тюрьму, не хотят выдать как хакера возмущённым США (хотя есть за что), не хотят выслать обратно на родину (а жаль!). После появления в Париже кровавых кентавров, они каким-то образом вычислили его сайт, где среди прочей нечисти затесался ролик с Канарских островов, и решили познакомиться.

Только тогда с какой стати им понадобился ещё и анализ его родного ДНК? Нет, что-то всё-таки не сходится...

Но больше всего его поразило то, что улица была совершенно пуста. И это притом, что со стороны Сены до сих пор поднимались клубы чёрного дыма с места пожарища, выхватываемые из тьмы мощными прожекторами. До руин Лувра отсюда было метров триста, не больше. Хотя ветер дул к реке, явственно чувствовался запах гари. Может, как люди знающие, они посчитали, что снаряд дважды в одну воронку не падает? Очень странно.

– Мистер Хлебов, идёте, – напомнил о своём существовании старший из провожатых. Второй остался сидеть в машине. Вместе с девушкой.

Они вдвоём прошли вдоль стены с надёжно зарешеченными окнами назад по узкой улице и после двух зелёных мусорных баков свернули в арку налево. Славик на всякий случай заметил, что сбоку арка помечена белой циферкой 3. На золотистой дощечке мелькнуло слово *Culture*. Ёлы-палы, похоже, он угадал: его ведут в министерство культуры...

Однако они прошли арку насквозь и вышли, как он и предполагал, к жутким полосатым столбикам, которые обычно называются «колоннами Бюрена» по имени автора. В далёком 1986 году парижане ещё как-то возмущались против уродования площади 260 чёрно-белыми пеньками, но местные масоны, как водится, протест плебеев проигнорировали, и постепенно это «творение» стало очередной туристической достопримечательностью. В классическом ансамбле площади, пусть даже восстановленной после пожара Парижской коммуны в 1871, когда старый дворец благополучно сгорел, этот современный новодел производил удручающее впечатление. Зато на пару со стеклянными пирамидами во дворе Лувра до сего дня ненавязчиво показывал знающим людям, кто в городе на самом деле хозяин. Допказывались, блин...

Славик отвлёкся и не заметил, в какую из дверей, открывавшихся под галереей внутрь двора, они прошли.

Человек в приёмной напоминал обычного охранника, похожего на его нынешнего провожатого, только костюм у него был не серый, а чёрный. И, кажется, без галстука. Привратник сидел за маленьким столиком и что-то писал в тетради, иногда поглядывая на притихший сбоку столика монитор. При их появлении он лишь на мгновение поднял голову, глянул на обоих с равнодушием убийцы и продолжал своё неуместное занятие.

Вверх вела крутая мраморная лестница. В отличие от лестниц в музеях, ступени этой не были покрыты ковром, и потому было хорошо видно, какой мрамор старый, пожелтевший и протёртый. Вероятно, она ещё не забыла подошвы туфель Людовика XIV.

Восхождение произошло по зигзагу и вывело их на второй этаж, где снова стоял столик с пишущим за ним охранником. Интересно, подумалось Славику, что бы они стали делать, если бы он вошёл сюда один, без провожатого.

Второй этаж был настолько тускло освещён, что казалось, свет проникает сюда только с улицы, через высокие арки окон.

Окна смотрели на такие же высокие створы закрытых дверей.

– Туда, – указал провожатый на яркий проём впереди. Сам он предпочитал следовать по коридору позади Славика.

Половицы поскрипывали. Попахивало затхлостью и пылью. Зато никакой гари, как ни странно, не чувствовалось.

Светлым проёмом оказался выход на новую лестницу, уводившую на последний этаж, в мансарду. Здесь их остановили сразу двое охранников, под широкими отворотами пиджаков которых даже непосвящённый мог угадать пистолетные ремни. Оба были высокие и, мягко говоря, мускулистые. Один из них обменялся с его провожатым несколькими французскими фразами, которых Славик не понял, но почувствовал, что за спиной образовалась пустота. Они остались втроём.

И снова один из охранников остался стоять внизу, а второй, подтолкнув зазевавшегося под локоть, стал подниматься вместе с ним по лестнице на мансардный этаж. Двери на который оказались закрытыми, однако за ними Славик с удивлением услышал гомон оживлённых голосов, что никак не вязалось с почти тюремным настроением, царившим до сих пор.

Охранник, опередив Славу на шаг, открыл перед ним одну из створок, и изнутри на лестницу сразу же пахло ароматами дорогих духов, шампанского и конфет.

В самом деле, обнаружившееся за дверью помещение было полно разодетыми людьми. Все улыбались, прохаживались от одной группы беседующих к другой, чокались бокалами, снова расходились, одним словом, вели себя так, как будто пришли на корпоративную вечеринку, где принято быть светским и по мере сил веселиться. Не хватало лишь музыкального сопровождения, но и без него Славик мысленно окрестил происходящее «пиром во время чумы».

На вновь прибывших никто из присутствующих не обратил ни малейшего внимания. Провожатый снова потянул Славу за локоть. Они двинулись вдоль стены, лавируя между гостями. Разговоры велись в основном на французском, а отдельные знакомые слова общего смысла не проясняли.

Навстречу им попала шедшая торопливой походкой девушка, которая брала у него анализ ДНК. Заметив Славу, она только кивнула и ничего не сказала. Для него так и осталось загадкой, каким образом она умудрилась их опередить.

Последний раз он почувствовал себя эстафетной палочкой перед очередной белой дверью, которую никто не охранял, но у которой вместо обычных ручек было приспособление, похожее на домофон с кнопками и экранчиком. Провожатый приложил к нему большой палец правой руки и посмотрел при этом куда-то в сторону и вверх. Славик заметил под самым потолком стеклянную полусферу камеры внутреннего наблюдения.

Замок на двери щелкнул, и створка сама приоткрылась наружу.

За порог он переступил уже совершенно один. Переступил и в нерешительности остановился, снова ощутив себя в каком-то малобюджетном голливудском блокбастере.

Комната представляла собой выдержанный в кремовых тонах кабинет с дорогим деревянным потолком, низеньким журнальным столиком посередине неброского бежевого ковра и упруго-пышным диваном с подушками справа. Слева стоял книжный шкаф красного дерева с нишей для неуместного здесь телевизора. Заканчивалась комната большим окном, обрамлённым тяжелыми шоколадными шторами, перед которым боком ко входу располагался массивный деревянный письменный стол с двумя кожаными креслами по обеим сторонам. Над диваном справа и над креслом слева на стенах висело по большой картине, подсвеченной сверху лампой на золотой ножке. Напротив стола в пузатом горшке стоял зелёный куст, прикрывавший собой ещё одну дверь.

– *Come on in*¹⁵, – сказал человек, сидевший за столом, и указал гостю на второе кресло. – *We have been expecting you, my Russian friend*¹⁶.

Кто такие «мы», не уточнялось, однако Славик посчитал ненужным проявлять любопытство и послушно сел, куда ему велели.

¹⁵ Заходите (англ.)

¹⁶ Мы ждали вас, мой русский друг (англ.)

Некоторое время они молча рассматривали друг друга.

Хозяин кабинета выглядел молодцеватым седым стариком с большим носом и грустными глазами. Такими в фильмах часто показывают настоящих главарей мафии. «Настоящих» в том смысле, что они никого не грабят и не убивают, но когда начинается очередная заварушка между кланами, все бросаются за помощью именно к ним, и именно они улаживают любые трения между любящими покачать права и пострелять боссами. Которые на поверку оказываются не более чем пешками.

Посмотрев на Славика так, будто хотел его запомнить, он подобрал со стола очки, надел на нос, посмотрел на экран лежащего перед ним не то большого телефона, не то маленького планшета, поводит пальцем, что-то проверяя, снял очки и снова устремил грустный взгляд на гостя.

На нём была простая домотканая рубашка с расстёгнутым воротником, под которым блестела тонкая цепочка. Лицо, руки и шея несли на себе следы не то недавнего загара, не то постоянного посещения солярия. Левое запястье обхватывала тонкая красная тесёмка. Никаких колец или часов.

– Как вас зовёт ваша мама? – неожиданно начал он, сложив на столе пальцы в замок и наблюдая за реакцией собеседника.

Вопрос был задан с сильным акцентом, но по-русски. Заметив во взгляде Славки замешательство, старик добавил:

– Говорите так. Я понимаю лучше, чем говорю.

Картавит, как типичный дореволюционный эмигрант, отметил Славик, а вслух сказал:

– Она зовёт меня «сын» или Слава.

– Это хорошо. А как вы значитесь в паспорте? Как там у вас это называется – ФИО?

– Владислав Иванович Хлебов.

– Хорошо. Значит, вашего отца звали Иван, верно?

– Верно, – ответил Славик, заметив, что собеседник сразу заговорил в прошедшем времени.

– Расскажите про него.

– А что рассказывать? Я его совсем не знал, когда он умер. Мать про него вспоминать не любит. У нас даже ни одной его фотографии нет. – Он осёкся, сам не зная, зачем так разоткровенничался. – А вас как зовут?

– Георг Савой, мой юный друг. Георг Савой, к вашим услугам.

– Очень приятно.

– Кстати, ни малейшего отношения к известной гостинице. – Старик впервые как будто улыбнулся.

– А к Виктору Эммануилу, объединителю Италии?

Последовала почти незаметная пауза, за время которой левая бровь хозяина кабинета поднялась.

– У нас такие познания...

– Книжки читаю, – пожал плечами Славик, который просто недавно изучал один хороший путеводитель по Италии, куда наверняка бы поехал этим летом, если бы не подвернулась халява с Парижем.

– Хорошо. – И сразу, без вступительных речей: – Что вам известно о тех, кто правит миром?

– Ничего, – так же механически ответил Славик, дав себе установку больше не высовываться.

– Ничего? Вас это не интересует?

– А что толку?

– Не понял.

– Какой смысл?

– Но это же интересно!

– По-моему, это всё равно что тратить жизнь на изучение условий жизни на Луне, хотя ни один человек туда никогда не долетит. Живым, я имею в виду.

– Вы так считаете?

– Пояс Ван Аллена ещё никто не отменил и не опроверг. В 2012 году его признали даже в НАСА. Забыв, вероятно, что по их версии астронавты «Аполлонов» пересекали его неоднократно и хоть бы хны. Наши туда так и не полетели и не собираются.

– Хорошо. – Господин Савой сунул руку в ящик стола и вынул пачку сигарет и зажигалку. – Вы не возражаете?

– Пожалуйста.

– А вы, конечно, не курите.

– Нет, конечно.

– А я вот привык. – Он закурил и пустил дым в занавески. – Но про «золотой миллиард» вам ведь наверняка приходилось слышать?

– С тех пор, как я понял, что никакой «теории заговора» не существует, меня всё это перестало интересовать.

– Поясните.

– Зачем говорить о теории, когда она давно уже стала практикой?

Славик наверняка бы удивился, если бы узнал, что примерно то же самое его бывшей однокласснице Даше сказал попутчик в звенигородском автобусе.

Господин Савой прищурился и глубоко затянулся.

– Расскажите о своём сайте.

– О каком именно?

– Про чудовищ.

– Вы имеете в виду того кентавра?

– Вы первый, кто опубликовали видео с Канарских островов. Некоторые им потом делились, но вы были первым. Откуда оно у вас?

– Мне казалось, я там дал исчерпывающие пояснения, – начал Славик, но почувствовал, что собеседник, не будучи русским, всё-таки не поспевает за ним, и перешёл на английский: – *One of my friends found a mobile on Tenerife and this video was in it. I decided to upload it because I thought it was cool. Why are you asking?*¹⁷

– *Very good.* Правда, если вы говорите не на иврите, остальные языки я знаю примерно одинаково. – Господин Савой покрутил зажигалку и поставил её торцом на пачку сигарет. – Послушайте, Владислав, я вам сейчас задам один вопрос, а вы как следует подумайте, прежде чем ответить. Но от того, как вы ответите, будет зависеть многое. Поэтому я хочу, чтобы вы ответили искренне. Окей?

– Окей.

Собеседник встал из-за стола и подошёл к окну. Оказалось, что роста он ниже среднего, зато крепко сбит и осанист. Хоббит, невольно подумалось Славiku. Домотканая рубашка была заправлена в потёртые, но чистые джинсы с широким крокодиловым ремнём. На ногах – мягкие бежевые мокасины, сочетавшиеся со всей обстановкой этого тихого кабинета.

Выглянув за занавеску на улицу и ничего там интересного не увидев, господин Савой повернулся к Славiku бесстрастным лицом и спросил:

– Вы хотите много денег?

¹⁷ Одна моя знакомая нашла на Тенерифе мобильник. Это видео было в нём. Я решил его выгрузить в Сеть, потому что посчитал интересным. А что?

Славик как-то сразу понял, что был готов к подобному вопросу. Всё предшествующее подводило его к мысли о чём-то почти сверхъестественном, что вот-вот должно произойти. Сейчас он потребует взамен мою душу, подумал он, вспомнив несколько произведений классической и не очень литературы, начиная с «Фауста» и заканчивая «Мастером».

– Почему вы улыбаетесь, Владислав?

– Разве? Нет, я серьёзен и думаю над ответом.

– И что вы думаете?

– Думаю, что деньги ещё никому не помешали. А вот много денег...

Хоббит-Савой пыхнул дымом, прошёл обратно за стол и снова сделался одного роста с гостем.

– Похоже, я в вас ошибся, – начал он, следя за реакцией слушателя. – Вы оказались умнее, чем я предполагал. Что, в принципе, не удивительно, если знать, кто на самом деле были вашим отцом, дедом *et cetera*¹⁸.

Вот теперь Славiku действительно стало не по себе. А хоббит-Савой продолжал, очевидно довольный произведённым эффектом:

– Подобные вопросы задаются, а подобные предложения делаются, как вы понимаете, не очень часто. Людей, которым они задавались раньше, сегодня знают практически во всём мире. Кто-то, правда, их ненавидит, кто-то боготворит, но самим им от этого ни тепло и ни холодно. Они уже давно выше этого. У них сегодня такие состояния и такая независимость, что им всё равно, есть ваша фотография на Фейсбуке, пользуетесь вы Гуглом или нет, установлена ли у вас последняя версия Виндоус и болеете ли вы за Челси или за Манчестер. У них всё хорошо. Кому-то помогли, кто-то сам сделал первый шаг, кого-то по-родственному пожалели, но в итоге «золотой миллиард» пополнился. Вы понимаете, о чём я?

Но Славик думал о другом.

– И кто же мой отец?..

Савой поморщился, решил закурить вторую сигарету, но передумал.

– В данном случае это не столь важно.

– Для кого?

– Для нас. И для вас.

– Я спрошу мать...

– Она не знает. Это было одним из условий искусственного осеменения. Видите ли, Владислав, есть вещи, которых лучше не касаться. И если вы сейчас подумали о том, чтобы разыскать нашу сотрудницу, которая делала вам анализ, забудьте. Это ничего ровным счётом не даст. Она только знает, что ваши показатели совпали с определённой метрикой. Таких метрик множество.

– Триста?

– Около того. Для вас это несущественно. А существенно то, что совпадение даёт вам право подумать и ответить на заданный мною вопрос.

Собеседник ждал, поглядывая то на гостя, то на потолок, то на окно.

Славик читал разные статьи конспирологов о том, откуда берутся всякие великие учёные, которые даже в школе учились через пень-колоду, бедные воришки, которым внезапно везёт, и они становятся олигархами, бездарные писатели, которым вдруг подвозят целый обоз литнегров, и через пару месяцев они взлетают на вершину литературного Олимпа, компьютерные «гуру», с трудом умеющие отличать кнопку *Esc* от пробела и становящиеся лицами огромных корпораций даже несмотря на то, что их от греха подальше максимально далеко отстраняют от текущих дел. До сих пор его всё это откровенно раздражало. Особенно то, насколько все они

¹⁸ И так далее (лат.)

были похожи друг на друга не только сказочной судьбой, но и внешне. Неужто и он такой же? Да нет, вроде: недавно гляделся в зеркало и был вполне славянской внешности. Чертовщина...

– И что мне для этого придётся делать?

– Придётся? Нет, это неправильное слово. Вы будете просто продолжать делать то, что у вас получается лучше всего – загружать на свой сайт интересные видео. Кстати, я не зря говорю про свой сайт, а не про общую свалку в *Youtube*. Пора расти, Владислав.

– Я пока ничего не понял.

– А я пока вам ничего не сказал. Технические вопросы – это не моя компетенция. Я только выясняю вашу готовность, даю общую установку и отслеживаю результаты. А они, я уверен, будут хорошими. Вы мне нравитесь.

Славик не мог ответить взаимностью, однако на всякий случай сказал:

– Спасибо.

Он куда-то попал, во что-то вляпался и, похоже, основательно, однако здоровый авантюризм никогда его не пугал. Скорее, наоборот.

– Очень хорошо, – подытожил Савой. Слово «хорошо» было явно самым его любимым в русском языке. – Чай-кофе?

– Пожалуй, кофе, – решил не пасовать Славик. К тому же, он действительно хотел взбодриться, будучи из тех людей, которых от волнения чаще клонит в сон.

– Отлично. В таком случае, посидите тут несколько минут. К вам сейчас придут. А я с вашего позволения пойду делать дела дальше.

Он убрал сигареты с зажигалкой обратно в стол, встал и, не прощаясь, как принято между знакомыми, то есть за руку, вышел через вторую дверь в соседнюю комнату. Почти сразу же оттуда вышла смуглая девушка, похожая на индианку, и молча поставила перед Славиком целый поднос с ароматной чашкой горячего кофе, сахарницей, в которой соседствовали белые и бежевые кубики, и тарелкой сдобных печений.

Интересно, что бы было, если бы он отказался?

Сейчас, когда он лежал с постели, в собственной комнате, в Москве и думал, пора ли просыпаться, события той последней ночи в Париже на мгновение показались ему сном.

В коридоре слышались шаги ни о чём не подозревающей матери, спешившей несмотря ни на какие взрывы и ужасы на работу. Она настолько обрадовалась его скорому возвращению домой, что даже не подумала как следует расспросить, каким образом ему это чудо удалось. Он в свою очередь тоже не стал смущать её прямыми вопросами.

Чтобы убедиться в том, что сон сну рознь, он выбрался из-под одеяла и сел на холодный стул перед работавшим всю ночь компьютером. Включил экран.

– Я пошла, – сообщила мать, заглядывая в комнату. Вероятно, она всё-таки тоже не верила в такое счастье и всё утро чутко прислушивалась. – Ты никуда не пойдёшь, я надеюсь?

– Не, у меня ещё отпуск, ты же знаешь.

– Вот и хорошо. Полей потом цветы. До вечера.

– Поаккуратнее там.

А между тем, как ему и обещали странные благодетели, в интернете творилось нечто невообразимое. Новые ролики, которые он закачал на свой канал только накануне, уже набирали под миллион просмотров каждый, и цифры росли на глазах. И почти каждый просмотр означал реальные деньги. Обещания невероятным образом сбывались. Тот человек, который пришёл на смену Савою, знал, что говорит...

Он появился, когда Славик как раз допил кофе. Заговорил на английском с акцентом. Сказал «привет» и сразу перешёл к делу, не представляясь и не задавая лишних вопросов. На вид ему было лет тридцать пять. Гладко выбритая голова, усики, такая же, как у Савоя, рубашка свободного покроя и джинсы. Он принёс с собой ноут-бук и продемонстрировал

на нём, где впредь Славик может, точнее, должен брать видео. Целый архив с летающими тарелками, странными существами и чуть ли не приведениями. То, что Славик раньше собирал буквально по крупицам, ждало его теперь в огромных количествах. Никаких авторских прав, никаких запретов. Бери и пользуйся. Кроме того, лысый предупредил, что несколько тысяч пользователей *Youtube* по всему миру сегодня же подпишутся на его канал и начнут делать перепосты всех подряд роликов. Когда Славик попытался уточнить, с какой стати они этим займутся, лысый хмыкнул и пояснил, что им за работу платят.

– Кроме того, ты наверняка знаешь, что в Сети добрая половина пользователей – роботы, – добавил он и стал показывать, какие тэги нужно обязательно вводить, чтобы система заработала правильно.

Прикинув, о чём идёт речь и что он с этого будет иметь, Славик спросил, не порвутся ли его электронные кошельки, которые изначально не были рассчитаны не только на такой большой, но и вообще на сколько-нибудь постоянный приток наличности. Лысый не сразу его понял, а когда понял, выругался не то по-немецки, не то как-то ещё и стал кому-то звонить. Но не по мобильному, а по стационарному кнопчному телефону, стоявшему на журнальном столике. На том конце провода, очевидно, обещали помочь. Лысый перенёс компьютер на диван, сел и стал торопливо рыскать по закладкам, что-то проверяя. Славик устроился рядом, с интересом наблюдая. Наконец нужная информация была обнаружена в почте. Лысый открыл сообщение, скопировал только текст и переслал Славику, предложив сразу же проверить через мобильный. Вай-фай здесь работал как пуля. Письмо уже пришло. Обратный адрес высветился странный, но было понятно, что товарищ по умолчанию конспирируется.

– Прочитай, – сказал лысый, когда Славик сообщил, что послание получил.

В тексте неизвестного автора понятным английским языком говорилось, что Славик должен по прибытию в Москву отправиться в такой-то банк по такому-то адресу и спросить такого-то сотрудника. Остальное будет улажено на месте.

– Какие ещё вопросы? – спросил лысый.

– Я тут, Москва – там, – справедливо заметил Славик. – Как мне туда добраться? Билет у меня есть, но вылет только послезавтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.